

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет»
(ДФУ)

ШКОЛА ИСКУССТВ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Департамент истории и археологии

Игнатенко Анастасия Сергеевна

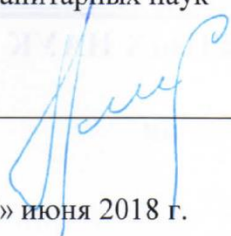
**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ КОРЕИ В ПЕРИОД
ЯПОНСКОЙ АННЕКСИИ**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
по направлению подготовки 46.04.01 История,
магистерская программа «Археология»

Владивосток
2018

«В материалах данной выпускной квалификационной работы не содержатся сведения, составляющие государственную тайну, и сведения, подлежащие экспортному контролю».

Директор Школы искусств и гуманитарных наук

 Ф.Е. Ажимов

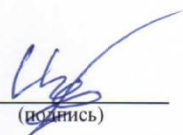
«22» июня 2018 г.

Защищена в ГЭК с оценкой

Секретарь ГЭК

подпись _____ И.О.Фамилия _____

« _____ » _____ 20 _____ г.

Автор работы _____
(подпись)

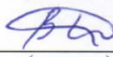
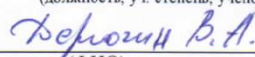
« 19 » июня 20 18 г.

Консультант(ы)*

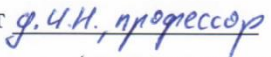
_____ (подпись) _____ (ФИО)

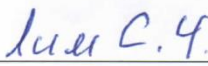
« _____ » _____ 20 _____ г.

Руководитель ВКР _____
(должность, уч. степень, ученое звание)

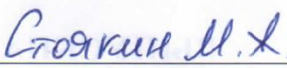

(подпись) (ФИО)

« 20 » июня 20 18 г.

Назначен рецензент _____
(уч. степень, ученое звание)

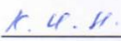
 _____
(фамилия, имя, отчество)

Назначен рецензент _____
(уч. степень, ученое звание)

 _____
(фамилия, имя, отчество)

«Допустить к защите»

Директор департамента

 _____
(уч. степень, ученое звание)

(подпись) (и. о. фамилия)

« 20 » июня 20 18 г.

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Исследование Кореи японскими археологами в 1909 – 1920 гг.	17
1. Политика японских властей в отношении объектов археологического наследия Кореи первого периода	17
1.1. Институты и законодательство в сфере охраны объектов археологического наследия.....	19
1.2. Создание музея правительства Чосон.....	25
2. Основные направления исследований археологии Кореи.....	26
2.1. Проблема каменного века на территории Кореи.....	29
2.2. Исследование Пхеньяна	31
2.3. Исследование Пуё и Конджу	34
2.4. Исследование Кёнджу	35
Глава 2. Исследования Кореи японскими археологами в 1920 – 1931 гг.	37
1. Политика японских властей в отношении объектов археологического наследия Кореи второго периода	37
1.1. Изменение политики в сфере охраны объектов археологического наследия.....	37
1.2. Деятельность музея правительства Чосон и его филиалов в 20-ые гг. XX в.....	39
2. Основные направления исследований археологии Кореи.....	43
2.1. Проблема каменного века на территории Кореи.....	43
2.2. Исследование Пхеньяна	44
2.3. Исследование Пуё и Конджу	46
2.4. Исследование Кёнджу	48
Глава 3. Исследования Кореи японскими археологами в 1931 – 1945 гг.	50
1. Политика японских властей в отношении объектов археологического наследия Кореи третьего периода	50
1.1. Деятельность правительства в сфере охраны объектов археологического наследия.....	51
1.2. Деятельность музея правительства Чосон и создание филиалов в 1931-1945 гг.	56
2. Основные направления исследований археологии Кореи.....	59
2.1. Проблема каменного века на территории Кореи.....	59
2.2. Исследование Пхеньяна	62

2.3. Исследование Пуё и Конджу	63
2.4. Исследование Кёнджу	64
Заключение	67
Список источников	71
Список литературы	75
Приложения	77

Введение

На сегодняшний день российское корееведение акцентирует своё внимание на изучении истории Кореи XX в. (в большей степени на его второй половине) и государства Чосон (конца XIV – начала XX вв.). Исследований же по археологии Кореи мало и они носят фрагментарный, обрывочный характер. Малоизученным и интересным для российской исторической науки является процесс становления и развития корейской археологии, который во многом связан со сложной политической ситуацией. Первые археологические находки были собраны ещё в конце XIX в. любителями антиквариата. Но научную основу изучения археологических памятников Кореи создали японские археологи в период аннексии (1910 – 1945 гг.). Данный факт является неотъемлемой частью генезиса корейской археологической науки, который и обуславливает особенности понимания современных идей школы корейской археологии. Для лучшего понимания Кореи необходимо изучить становление и развитие как археологии в колониальный период. Это так же влияет и на улучшение качества тесных совместных исследований по древней истории северо-востока Азиатско-Тихоокеанского региона между корейскими и российскими учёными. Актуальность данной темы обусловлена крайне слабой изученностью становления корейской академической археологии. Ряд вопросов рассмотренных ранее отечественными авторами не имеет систематизации, а зарубежные концепции не представлены вовсе.

Научная новизна магистерской работы заключается во введении в научный оборот ранее не опубликованных трудов корейских историков и археологов, а так же их анализ и систематизация. Впервые исследуется и анализируется процесс становления академической археологии Кореи.

Целью исследования является изучение становления корейской археологии как науки с позиции корейских исследователей.

Для указанной цели магистерского диссертационного исследования необходимо решить следующие задачи:

- а) систематизировать работы корейских учёных по периодам становления и развития археологии Кореи;
- б) рассмотреть деятельность японского правительства в сфере сохранения археологических объектов культурного наследия;
- в) обосновать принципы и идеи, выдвинутые японскими археологами при проведении исследований археологических памятников древней истории Кореи.

Объект данного исследования представляет собой процесс изучения археологии Кореи в период японской аннексии. В качестве предмета исследования выступает позиция корейских историков и археологов по вопросу становления и развития археологии Кореи в первой половине XX в.

Особенностью магистерской диссертации является тот факт, что историческими источниками выступают статьи и монографии корейских историков и археологов. В попытке отразить восприятие корейцев на процесс становления и развития археологии Кореи, как уже упоминалось, необходимо обозначить дискуссионные темы. Корейская археологическая и историческая литература мало доступна российскому читателю. Во-первых, большую роль играет не большая популярность корейского языка. Во-вторых, доступ к корейским библиотекам, музеям, архивам ограничен. Единственный способ получить информацию из Кореи, это поездка в Южную Корею для работы в фондах библиотеки. Очень малая часть выставлена для всемирного доступа в сети интернет. По поводу литературы из Северной Кореи вообще говорить не приходится. Ограничен не только въезд в страну, но и изучение фондов архивов и библиотек.

«Колониальной» археологии в корейской научной среде уделено большое внимание. Опубликовано огромное количество работ по данной

тематике. А так же становлением и развитием археологии Кореи на начальном этапе её развития занимаются не только южнокорейские учёные, но и мигрировавшие корейцы за рубеж¹. Активнейшим образом изучаются японская историография по истории древней Кореи, археологические отчёты того времени.

Основными исследователями, занимающимися вопросом археологического изучения японцами Корейского полуострова являются Ли Гибэк, Ли Гисон, Чон Сонгон, Ли Бёнхо, Ким Ёнгсонг, Ю Ёнхён, Ким Дэхван, Чхве Сокёнг, Пэ Хёниль и другие.

Тематика трудов и их направленность достаточно разнообразны. Среди них можно выделить три основные группы:

- а) роль японских деятелей в изучении археологии Кореи²;
- б) причины изучения японцами тех или иных исторических периодов древней истории Кореи³;
- в) основные факторы, послужившие исследованию тех или иных типов археологических памятников⁴.

---

¹См.: Pai HyungIl. Tracing Japan's Antiquity: Photography, Archaeology and Representations of Kyongju, in Symposium Volume Oriental Aesthetics and Thinking: Conflicting Visions of "Asia" under the Colonial Empires. – Kyoto, Japan, 2011. –Р. 289-316; Pai HyungIl. The politics of Korea's past: The legacy of Japanese colonial archaeology in Korean peninsula //East Asia History. – 1994. – № 7. – Р. 25-48.

² См.: Чон Сонгон. Взгляд Хамады Косаку на «колониальную археологию» // Ильпонмунхваёнгу. –2011. – № 40. – С. 603-623; Чон Инсон. Работа Морока Хидэо в японский колониальный период и архивы Кёнджу // Ёкса. –2007. –№ 95. - С. 1-39.

³ См.: Ли Бёнхо. Исследование археологических памятников Пуё в колониальный период // Хангуккодэсаёнгу. –2011. – № 61. – С. 113-155; Чха Сончхоль. Изучение археологических памятников в районе Кёнджу в колониальный японский период // Силласахакпо. – 2008. – № 13. – С. 97-127; Ли Гисон. Исследование и признание «каменного века» в японский колониальный период // Ёксаватамрон. –2010. – № 33. – С. 5-30.

⁴ См.: Чха Сынгги. «Древняя столица» империи // Санхохакпо. –2010. – № 29. – С. 81-113; ЧхвеСокЁнг. Изучение «древних городов» в японский колониальный период // Пикёминсокхак. –1997. – № 14. – С. 337-376; Чха Сунчхоль. Обзор исследований курганов Силла в японский колониальный период // Мунхвачжэ. –2006. – № 39. - С. 95-129.

Первые попытки изучения японских отчётов и публикаций появляются ещё в 20-ые гг. XX в⁵. После первоапрельского восстания 1919 г. в сторону деятельности Японии на территории Кореи полился огромный шквал критики от корейцев, которые мигрировали, а так же от заключённых в тюрьмы деятелей культуры, участвовавших в восстании. Работы, издаваемые до 1945 г. послужили функцию сохранения и поднятия национального духа корейцев. Они не являлись строго научными, скорее представляли собой брошюры по просвещению населения в истории и археологии Кореи.

В перерыве между Второй мировой войной (1939-1945 гг.) и Корейской войной (1950-1953 гг.) корейская научная среда делает первую попытку самостоятельного изучения своей страны, всячески отгораживаясь от материала разработанного японцами.

Но, к сожалению, история Кореи в середине века сменила своё направление с началом Корейской войны. В связи, с дальнейшим разделением страны на Южную и Северную Корею у нас появляется ещё одна, новая проблема, в понимании археологии истории Кореи. Она (проблема) заключалась в различной степени изученности двух стран, отличающейся трактовке собственной истории (ещё единого государства), допуск к отчётам и т.д. К сожалению, науку очень сложно отделить от политики, что накладывает свой отпечаток на неё.

Если кратко характеризовать работу корейских археологов, то до 1980-х гг. происходил массовый сбор источников как письменных, так и вещественных. Существовала необходимость поиска исторических источников самостоятельно для создания собственной истории «своими руками». Затем, с 1980-х до начала II тысячелетия создавалась общая, собственная концепция истории Кореи. И, примерно, с 2000-ых корейские учёные, собрав необходимое количество источников и создав своё видение

---

⁵ Пак, М.Н. Очерки по историографии Кореи / М.Н. Пак. – М.: Наука, 1987. – С. 75.

истории Кореи, предпринимают попытки проанализировать работу, проведённую японскими исследователями в первой половине XX в. По этой причине, большая часть источников в данной работе опубликована совсем недавно с начала 2000-х гг.

Так же необходимо отметить тот факт, что спецификой источников всё же является, в некоторой степени субъективная позиция корейских исследователей, отражающих становление и развитие археологии своей страны. Данное исследование, скорее, даёт толчок к развитию тематики. Дальнейших направлений для изучения очень много. Изучение японских отчётов по археологии Кореи первой половины XX в. может вылиться в крупную работу.

Историография становления и развития археологии Кореи представлена, к сожалению, небольшим количеством работ. Если говорить о причинах слабой изученности данной темы, то она полностью исходит из ограничений, существующих в поиске литературы и источников. При желании изучать археологию и историю Кореи нужно помнить о том, что работать с фондами музеев, библиотек и архивов необходимо именно там с определёнными ограничениями в публикации археологического материала.

В отечественной историографии археология Кореи представлена рядом работ, опубликованных ещё в 60-80 гг. XX в., в которых описываются памятники и находки. Но не делается особый акцент на изучение развития археологии в Корее как науки. Самая ранняя работа была издана в 1961 г. М.В. Воробьёвым⁶. Его труд, в котором он даёт историко-археологический очерк древней истории Кореи, по сей день является самым крупным исследованием по данной тематике. Воробьёвым М.В. была совершена попытка синтеза трудов корейских, японских, западноевропейских и

---

⁶Воробьёв, М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк) / М.В. Воробьёв. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. –194 с.

российских учёных. Вот что он говорит по поводу изученности археологии Кореи: «К сожалению, политическое положение Кореи в конце XIX — первой половине XX в. не благоприятствовало развитию науки в стране и плодотворному изучению её материальных и культурных богатств. Далёкое прошлое корейского народа до сих пор известно хуже, чем древняя культура большинства стран Дальнего Востока. Нет ни одной монографии на западноевропейских языках, посвящённой этому вопросу. Немногочисленные труды японских авторов не всегда объективны, корейские работы стали появляться только в последние годы»⁷. На современном этапе российского корееведения ситуация не сильно изменилась.

Как и упоминалось ранее, основная масса работ была опубликована в СССР и представлена трудами В.Е. Ларичева⁸, М.Н. Пака⁹ и А.П. Деревянко¹⁰. Научный интерес советских исследователей был связан с изучением каменного века Корейского полуострова, но особенностью японцами корейского полуострова стало избегание эпохи камня, за ненадобностью и сложностью интерпретации.

Историография древней истории Кореи приведена в трудах М.Н. Пака¹¹ и корейского исследователя проживающего в Советском Союзе Рю Хакку (Ryu Hanbae)¹². Данные работы до сих пор единственные в своём роде.

---

⁷ Там же. С. 3

⁸ См.: Ларичев В.Е. Неолит и бронзовый век Кореи// Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. – Новосибирск, 1978 – С. 9-87; Ларичев В.Е. Палеолит Кореи// Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Эпоха палеолита. –Новосибирск, 1976 – С. 25-83.

⁹ См.: Пак, М.Н. Очерки ранней истории Кореи / М.Н. Пак. – М., 1979 – 240 с.

¹⁰ См.: Деревянко, А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи / А.П. Деревянко. – Новосибирск, 1983 – 216 с.

¹¹ См.: Пак, М.Н. Очерк по историографии Кореи / М.Н. Пак. – М., 1987 – 150 с.

¹² См.: Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии / Рю Хакку.– М.: Наука, 1975.- 200 с.

Последняя группа трудов опубликованная в отечественной историографии это отдельные главы в общих учебниках по истории Кореи¹³ и статьи затрагивающие отдельные проблемы археологии Кореи¹⁴.

Магистерская диссертация основана на историко-генетическом методе. «Колониальная» археология Кореи первой половины XX в. рассматривается с момента её зарождения, максимального развития и гибели. Результатом использования такого метода является периодизация, которая даёт систематизированное понимание протекающим процессам на территории Корейского полуострова в сфере изучения и сохранения объектов культурного наследия. Так же был использован ещё один из специально-исторических методов – системный метод, благодаря которому удалось показать системность созданных японцами институтов и законов в сфере культурного наследия. Использование специально-исторических методов не было возможно, без общенаучных методов, таких как анализ, синтез, обобщение.

Структура работы состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и источников и приложения. Основу деления диссертации на три главы составила периодизация становления и развития археологии Кореи в период аннексии.

Японское правительство достаточно систематизировано подходило к изучению Корейского полуострова. Археологические исследования не были исключением. По вопросу периодизации археологического изучения Кореи в

---

¹³См.: Гафуров Б.Г. и др. (ред. колл.). История Кореи (с древнейших времен до наших дней). В 2-х томах. Т. 1. – М.: Наука, 1974. – 470 с.; Тихонов В.М., Кан Мангиль История Кореи: в 2 т. Т.1: С древнейших времён до 1904г. – М.: Наталис, 2011. – 533 с.

¹⁴См.: Алкин С.В., Комиссаров С.А. Археологические культуры корейского полуострова (каменный век – ранний железный век): краткий обзор современного состояния изученности. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2010. – Том 9, выпуск 5: Археология этнография. – С. 18-24; Алкин С.В. Семантика золотых силласких корон (подвески когек как воплощение идеи рождения) // Major Issues in History of Korean Culture.– М., 1997– С. 32-36.

историографии существует множество различных точек зрения. Но одним из главных критериев выделения того или иного периода являются экономические изменения в политике колониальных властей¹⁵. Ясно что на первом этапе археологического изучения Кореи, который начался с её аннексии в 1910 г. и началом экономического освоения корейского полуострова. Активную роль в изучении памятников сыграло освоение леса, строительство новой инфраструктуры и т.д. Так сказать археологические памятники «попадались под ноги» японскому правительству.

Первые исследования культурного наследия Кореи начались ещё в 1902 – 1903 гг. В основе своей японцев интересовали буддийские храмы или подвёмный материал находящийся не далеко от этих храмов и святилищ. Но с вхождением Кореи в состав Японской империи японское колониальное правительство всё глубже изучать археологическое культурное богатство Корейского полуострова.

Общей периодизации по становлению и развитию археологии Кореи в период японской аннексии нет. Каждый из периодов развития законодательства по сохранению культурного наследия, изучение археологических памятников Силла, Пэкче, Когурё, Бохай и т.д. перекликается между собой. К примеру, раскопки Когурё были разделены на четыре основные периода:

1) *Первый период* – 1883-1908 гг., который заключался в первоначальном осмотре северного района корейского полуострова и сборе подвёмного материала;

2) *Второй период* – 1909-1915 гг. проводился под руководством СекиноТадаши. Начало проведения археологического исследования района;

---

¹⁵См.: Ли Бёнхо. Исследование археологических памятников Пуё в колониальный период // Хангуккодэсаёнгу. –2011. –№ 61. – С. 113-155; Pai HyungIl. The Creation of National Treasures and Monuments: The 1916 Japanese Laws on the Preservation of Korean Remains and Relics and Their Colonial Legacies //Korean Studies. – 2001. – № 25. – С. 72-95.

3) *Третий период – 1916-1930 гг.* систематическое исследование района, но по причинам отсутствия финансов проект исследования проводился до 1924 г., а дальнейшие экспедиции до 1930 г. проходили не официально;

4) *Четвёртый период – 1931-1945 гг.* увеличение объёмов экспедиций, что было связано с созданием в Маньчжурии государства подвластного Японии – Маньчжоу-го и активная работа исторического научного общества¹⁶.

Раскопки государства Бохай начались с момента создания Маньчжоу-го в 1932 г. Выделяют всего два периода: 1-й период до 1931 г. и 2-й период 1932- 1945 гг. с момента создания нового государства в Маньчжурии¹⁷. Для Пэкческого нагорья Ли Бёнхо разделяет на четыре этапа:

1) *Первый период – 1909-1915 гг.* Кванджу, Конджу, Пуё и Иксан были исследованы под руководством Секино Тадаши;

2) *Второй период – 1916-1920 гг.* Были проведены самые обширные и систематические исследования;

3) *Третий период – 1921-1931 гг.* это период, когда проведение раскопок постепенно сокращается из-за ограничений финансовых и административных;

4) *Четвёртый период – 1931-1945 гг.* Охарактеризован созданием «Общества по исследованию сокровищ Пуё» в 1935 г. интенсивно проводилось раскопки в районе Пуё¹⁸.

ЧхаСунЧхоль разделил изучение курганов Силла на пять этапов:

¹⁶ Янг Шиын. Изучение исследований археологических памятников Когурё и Бохай в колониальный период // ИльчжесыгиМанчжуса – Чосонсаинщик. – 2009. – С. 32.

¹⁷ Янг Шиын. Изучение государств Бохай и Когурё во время японской оккупации // Когурёпархээнгу. –2010. –№ 38. – С. 157.

¹⁸ Ли Бёнхо. Обзор археологических памятников Пэкческого нагорья в период японской оккупации./ Хангуккодэсаёнгу. –2011. – № 61. – С. 117.

1) *Первый период – 1886-1899 гг.* бессистемный сбор подъёмного материала;

2) *Второй период – 1900-1909 гг.* общий обзор перед установлением протектората;

3) *Третий период – 1910-1919 гг.* проведение первых археологических экспедиций. Начало системного изучения курганов государства Силла;

4) *Четвёртый период – 1920-1929 гг.* государственные интересы были направлены на активное исследование курганов района Кёнджу (Силла);

5) *Пятый период – 1930-1945 гг.* является периодом, когда Корейское историческое общество, подчиненная организация генерал-губернатора Кореи (но финансировалось самостоятельно) исследование средних и мелких курганов Силла, расширив площадь города Кёнджу¹⁹.

Основываясь на различных периодизациях, представленных в трудах корейских исследователей, нами была представлена попытка составить собственную периодизацию. На основе данной периодизации построена структура магистерской диссертации:

1) *Первый период – 1909-1920 гг.* Начало первого периода можно, конечно, довести до конца XIX в. когда японцами стал проводится первый сбор подъёмного археологического материала. Это был скорее мимолётный интерес, нежели систематизированное изучение, которое началось в 1909 г. Корейские историки и археологи разделяют этот этап на два, но скорее периоды 1909-1915 гг. и 1916-1920 гг. можно объединить. Они связаны единой тенденцией заложенной японскими властями. И скорее корейцы разделяю их для большего выделения факта принятия закона о сохранении

---

¹⁹Чха Сунчхоль. Обзор исследований курганов Силла в японский колониальный период // Мунхваджэ. – 2006. – № 39. – С. 95-96.

объектов культурного наследия. Окончание периода связано с переменами в политическом и экономическом управлении Кореи Японской империей.

2) *Второй период 1920-1931 гг.* Период 20-ых гг. XX в. необходимо связывать с «культурной политикой» проводимой генерал-губернатором Кореи. Происходят попытки внешнего смягчения общей политики, так и в сфере музееведения и культурного наследия. Создаётся более независимая Секция исторических исследований, всё так же подчиняющаяся генерал-губернатору. Период её существования был ограничен 1924 г., когда произошло сильное наводнение, ограничившим проведение раскопок и финансовыми трудностями. Примерно с 1925 г. археологические исследования проводятся не под эгидой государства, а Токийским императорским университетом.

3) *Третий период 1931-1945 гг.* Так же связывается с политическим курсом Японской империи. Победа во внутренней политике экспансионистских и милитаристских идей изменила и политику изучения и сохранения объектов культурного наследия. Происходил процесс капитализации туристической и музейной сферы, а так же передачу полномочий по исследованию археологических памятников местным уровням власти и заинтересованным в этом лицам. Археологическое изучение Кореи отодвигается на задний план. Основной материал для музейных экспозиций уже был собран.

Археологические исследования проходили благодаря финансовой поддержке японского правительства. Министерство внутренних дел ставило своей целью, начиная с 1909 г. следующее: «Спасти старые здания от новых административных объектов или сохранить их по возможности, если есть риск разрушения или сноса»²⁰. Основным критерием выделения периодов

---

²⁰Ли, Сунча. Изучение исторических исследований в японский колониальный период / Ли Сунча. – Сеул: Kyung-in Publishing Co. – 2009. – С. 40.

развития археологии Кореи стала внутренняя и внешняя политика самой Японии, со всеми её составляющими.

Статьи и монографии, послужившие источниками к данной магистерской диссертации, были собраны в библиотеке Корейского национального университета культурного наследия г. Пуё, Чхунчхон-намдо, Республика Корея (Korean National University of Cultural Heritage). Апробация диссертационной работы происходила на LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых в г. Омске, проходившей с 25 по 27 апреля 2018 г.²¹.

---

²¹Игнатенко А.С. Формирование законодательства по охране археологического культурного наследия Кореи в 1910–1945 гг. //Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII рос. (смеждународ. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.) / отв. ред. М. Л. Бережнова, И. В. Толпеко. – Омск: Издатель-полиграфист, 2018. – 276 с.

Глава 1. Исследование Кореи японскими археологами в 1909 – 1920 гг.

1. Политика японских властей в отношении объектов археологического наследия Кореи первого периода

Японскому колониальному правительству было необходимо создание новой идеи, изменения мышления новых подданных японского императора для обеспечения более эффективного, с точки зрения Японии, управления Корейским полуостровом. История и археология играли важную роль инструментов в создании нового «подчинённого» типа мышления. Во-первых, с помощью археологии и истории создавалась база для доказательства легитимности колониального правления. Во-вторых, происходила демонстрация «культурного» характера управления колонией внутри страны и за её пределами. Происходила ежегодная публикация отчётов, которые были доступны широкой общественности не только в пределах Японской империи, но и за рубежом. К примеру, в 1915 г. были опубликованы «Исторические записки»²² (комплексное издание отчётов за первые пять лет протектората) в 5 томах. 1 и 5 том сопровождался комментариями на английском языке, которые находились в открытом доступе для иностранных гостей.

Основными направлениями, в которых работали японские специалисты в Корее, были связаны с культурной политикой, созданием музеев и археологическим исследованием.

---

²²Ли Сунча. Изучение исторических и археологических исследований японского колониального периода / Ли Сунча. – Сеул: Kyung-in Publishing Co. – 2009. – С.46.

Культурная политика, проводимая японским правительством, основывалась на распространении «современных» идей, предназначенных для создания социально-культурной основы успешного управления Кореей²³.

Рассматривая японскую политику в Корее в области культурных ценностей ОСэТак говорит о том, что: «Корея была злодейски оккупирована имперским режимом и бюрократическим командованием. Колониальная политика в области культурных ценностей не может быть исключением. Другими словами, она (японская политика), конечно же, действовала в рамках колониальной политики, отражающей интересы родной (японской) страны»²⁴.

Говоря об управлении японских колониальных властей в сфере археологического культурного наследия необходимо упомянуть о направлении политики Японской империи проводимой на Корейском полуострове. Эта политика представлена несколькими периодами:

а) первый продолжительный период с 1876 по 1910 гг. характеризовался установлением протектората (малочисленные археологические находки, подъёмный материал);

б) второй период 1910 – 1919 гг. были связаны с активным исследованием Кореи, созданием инфраструктуры, правительственных институтов – оформление японской власти в Корее (интенсивное проведение археологических экспедиций на территории всего полуострова);

в) третий период 1919 – 1931 гг. период «культурного управления» Кореей (более тщательное и систематическое изучение археологического материала);

---

²³Лим Нарэ. Учреждение и значение музеев Кэсона и Пхеньяна во время японского колониального периода. – Сеул: Korea University, 2015.– С. 14.

²⁴ О Сэтак. Политика японского императора (политика в области культурных ценностей) // Ильчжэчончэкпхёнга. – 1996. – С. 7.

г) и, наконец, четвёртый период 1931 -1945 гг. был связан с началом активных боевых действий проводимых изначально на территории Китая, а затем и началом Второй мировой войны (максимальное сокращение государственного управления культурным наследием в Корее и передача прав проведения экспедиций в частные руки).

Колониальная администрация и «колонисты» (в том числе ученые, работавшие в колониях) изменили значение «колониальной культуры», интерпретируя её как новую, отличающуюся от старой, изменённую в лучшую сторону. По словам Джона Х. Хамера²⁵, существует тенденция не только понимать культуру, которая так интерпретируется, но и воспринимать ее как «факт». Разумеется, японские власти так же использовали этот метод при переосмыслении колониальной культуры и ее принятии. В результате японские власти использовали колонизацию и перепечатку колониальной культуры в качестве объяснительного инструмента для легализации власти.

1.1. Институты и законодательство в сфере охраны объектов археологического наследия

Исследовательская деятельность на Корейском полуострове уже проводилась до принудительного присоединения Кореи к Японской империи. Основным университетом «поставляющим» интеллектуальные кадры в Корею стал Токийский императорский университет (современный Токийский университет). Все археологические изыскания на первом этапе происходили под защитой генерал-губернатора Кореи.

Изучение археологических артефактов стало большим достижением японских властей. Это достижение было надлежащим образом использовано в качестве пропагандистского инструмента.

---

²⁵ John H. Hamer. Identity, process and reinterpretation- the past made present and the present made past //Anthropo. –1994. – № 10. – С. 89.

Начало формирования законодательства по сохранению культурного наследия связывают с японской аннексией в 1910 года²⁶. Первым опытом издания законодательного акта по сохранению культурного наследия А.В. Загорулько считает выход в 1911 г. закона «О храмах и кумирнях», который напрямую был связан с деятельностью японской буддийской церкви. В свою очередь Пэ ХёнИль выделяет три периода развития законодательства по охране культурного наследия²⁷:

1) Первый период связан с законом 1916 г. «Правила сохранения руин и древностей Кореи»²⁸ и созданием Комитета по исследованию корейских древностей²⁹. В обязанности Комитета, входило изучение археологического наследия, его реконструкция и сохранение, регистрация памятников и публикация результатов исследовательской деятельности. В дополнение, в 1917 году вышел закон, регулирующий сохранение останков бывших династических столиц, погребений кофун (курганов), дворцов, крепостей и храмов.

2) Второй период ознаменовался выходом в 1919 году закона «О сохранении исторических памятников» и в дополнение закона «О сохранении памятников природы», в котором, было расширено определение национальных богатств. Помимо археологических памятников, кумирен, дворцов, были включены геологические образования, объекты флоры и фауны. Объединение исторических и природных богатств, их сохранение и восстановление, было поручено всё тому же Комитету по исследованию

---

²⁶ См.: Загорулько А.В. Охрана археологического наследия в Республике Корея // Культурологический журнал. – 2014. – №3. – С. 2; Pai HyungIl. The Creation of National Treasures and Monuments: The 1916 Japanese Laws on the Preservation of Korean Remains and Relics and Their Colonial Legacies //Korean Studies. – 2001. – № 25.– С. 77.

²⁷Pai HyungIl. The Creation of National Treasures and Monuments: The 1916 Japanese Laws on the Preservation of Korean Remains and Relics and Their Colonial Legacies //Korean Studies. – 2001. – № 25. – С. 78-79.

²⁸ «Правила сохранения руин и древностей Кореи» далее кратко – «Правила сохранения».

²⁹ Комитет по исследованию корейских древностей далее кратко – Комитет.

корейских древностей. Главной причиной объединения столь различных объектов культурного наследия под защиту одной организации стала нехватка финансирования, связанная с участием Японии в интервенции на российский Дальний Восток.

3) Третий этап обусловлен законом 1933 г. «О сохранении сокровищ, древних мест и естественных памятников». Издание нового закона было связано с развитием транспортных путей и строительством новой инфраструктуры, ввиду образования Маньчжоу-го в 1931 г. Японская империя через Корею в Маньчжурию провозила свои товары, военных, создавая базу для Квантунской армии. Главным изменением в данном законе стала возможность заниматься сохранением культурного наследия не только Комитету по исследованию корейских древностей, но и частным лицам, музеям и провинциальным властям.

Основной причиной изменения законодательства по охране культурного наследия был вопрос финансирования. Ещё в законе от 1916 г. говорилось о том, что реконструкция и сохранения объектов культуры происходила «по мере необходимости, которые находятся на стадии разрушения»³⁰. В корейской историографии так же отмечается такой факт, как сбор пожертвований Комитетом по исследованию корейских древностей³¹. Пожертвования собирались по причине постоянного изменения финансовой политики в сфере культурного наследия, связанной в первую очередь с международной обстановкой. Предпочтение отдавалось буддийским святыням и памятникам, которые могли привлечь туристов, поддержать авторитет Японии в религиозной сфере и отразить «культурный» характер управления Кореей. Японскими властями были реконструированы

---

³⁰Pai HyungIl. The politics of Korea's past: The legacy of Japanese colonial archaeology in Korean peninsula //East Asia History. – 1994. – № 7.– С. 37.

³¹Чхве Сокёнг. Сохранение исторического наследия и развитие туризма в колониальный период // Ащиаунхва. – 2012. – № 18. – С. 114.

ворота Тондемун (Восточные ворота), храм Пульгукса, курганные комплексы, хронологически относимые японскими исследователями к периоду Кофун. Японцы так же активно занимались реконструкцией дворца Кённбокун, в котором с 1915 г. находится музей правительства Чосон, часто посещаемый иностранцами (описание экспонатов музея было представлено на японском, английском и китайском языке, но не на корейском).

Главное управление генерал-губернатора Кореи создавало соответствующие организации и законы для изучения и сохранения реликвий и артефактов на Корейском полуострове. 4 июля 1916 г., ещё до публикации «Правил сохранения руин и древностей Кореи», создаётся Комитет по исследованию Корейских древностей, который несет ответственность не только за планирование исторического исследования, но и за исторические реликвии, гробницы и замки, дворцы, замки, ворота, дворцы, замковые ворота, скульптуры и т.д. Структура Комитета была описана в 10 статьях:

Ст. 1. Генерал-губернатор Кореи должен иметь Комитет по исследованию корейских древностей для изучения вопросов, связанных с поиском и сохранением объектов культурного наследия.

Ст. 2. Комитет состоит из одного председателя и 15 членов.

Ст. 3. Председатель назначается генерал-губернатором из высокопоставленных должностных лиц правительства, имеющих опыт работы в университетских кругах.

Ст. 4. Председатель имел заместителя, который, в случае непредвидимых обстоятельств, должен заменить его.

Ст. 5 Комитет рассматривает такие вопросы как: 1) касающиеся изучения мощей и реликвий; 2) касающиеся сбора и сохранения артефактов; 3) касающихся сохранения и реконструкции недвижимых артефактов и объектов; 4) касающиеся расследования и сбора старых документов.

Ст. 6. Подготовка ежегодного общего плана для изучения древних документов, сбора и сохранения артефактов. В конце каждого года, председатель представлял план генерал-губернатору Кореи. В дополнение к вышеизложенному председатель дает свое мнение и отчет генерал-губернатору в отношении вопросов, которые Комитет считает необходимыми, или вопросов, которые будут обсуждаться генерал-губернатором в отношении результатов экспертизы.

Ст. 7. С принятия на работу нового участника Комитета председатель должен заранее уведомить генерал-губернатора об его имени, памятниках и предметах подлежащие исследованию, их местонахождение, методы и сроки проведения экспедиции.

Ст. 8. Комиссары, которые будут участвовать в экспедициях должны консультироваться с провинциальными и муниципальными полицейскими департаментами в том месте, где они находятся, и требовать присутствия полицейских при проведении исследования.

Ст. 9. Комиссар, которому было предписано провести фактическое исследование, составляет подробный отчет и представляет его председателю, который сообщает об этом генерал-губернатору. Список находок прилагается к местному полицейскому участку и отправляется в правительственный офис.

Ст. 10. Секретарь Комитета находится под полным командованием председателя Комитета³².

Как видно по вышеуказанным статьям, Комитет по исследованию корейских древностей обязан полностью, о каждом своём шаге отчитываться перед генерал-губернатором и полицией о проделанных или археологических изысканиях. Полный контроль над Комитетом говорит нам, во-первых, о большой заинтересованности в археологических экспедициях японских

---

³²Ли Сунча. Изучение исторических и археологических исследований японского колониального периода / Ли Сунча. – Сеул: Kyung-in Publishing Co, 2009. – С. 57-58.

властей, а во-вторых, о невозможности иной интерпретации артефактов отличной от той, которая выгодна правительству генерал-губернатора.

1916 г. ознаменовался созданием Комитета по исследованию корейских древностей, а так же издание закона «Правила сохранения руин и древностей Кореи». В дополнения к закону «Правила сохранения руин и древностей Кореи» были установлены правила лицензирования археологических раскопок и положение о их проведении. «Правила сохранения» 1916 г. состояли из 11 статей³³, в которых описывалась структура Комитета и его основные обязанности. В статье 1 «Правил сохранения» говорится о создании Комитета и его основным функциям:

- а) исследование;
- б) сохранение;
- в) рекультивация;
- г) публикация.

В статьях 2-4 описывается организационная структура Комитета: председатель, глава по политическим вопросам, комиссар канцелярии генерал-губернатора, председатель совета директоров. Председатель Комитета по исследованию корейских древностей напрямую возглавлялся генеральной канцелярией. Говоря о составе членов Комитета стоит, конечно же, затронуть вопрос наличия или отсутствия в нём корейцев.

Так же Комитет по историческим исследованиям тесно сотрудничал совместно с Корейским Бюро лесного хозяйства. В 1917 и 1918 гг. проведены специальные раскопки могил Баннаммиён в Намджу. Согласно отчёту японские исследователи делают такой вывод: «Эти курганы, вероятно принадлежат японцам, учитывая метод погребения и погребальный

---

³³Ли Гисон. Исследование институтов и политики в отношении культурного наследия Корейского полуострова в колониальный период до 1920-х гг. //Уннамгогохак. – 2009. – № 51. – С. 38-39.

инвентарь»³⁴. Данная цитата была опубликована в брошюре «Исследование корейских археологических сокровищ».

Японское правительство приняло «Закон о лесах» в 1908 г. для определения способа управления лесами. К 1911 г. исследование лесных ресурсов Корейского полуострова было прекращено. Леса изначально находились в распоряжении японского правительства. Но в дальнейшем происходила передача права владения лесами в частные руки. 4 июня 1911 г. – «Указ о лесном хозяйстве» - подготовка к проекту исследования лесов с 1917 по 1924 гг. Внутри департамента лесного хозяйства был создан отдел с названием «Исторические достопримечательности». Их опубликованная работа «Данные исследований сокровищ Чосон» содержит более широкую информацию, чем раскопки Куно Садата и Комитета по историческим исследованиям³⁵.

Но, к сожалению, работы лесного комитета в основном, были закончены в 1917 г., дальнейшие исследования были малочисленны.

1.2. Создание музея правительства Чосон

Корейские музеи первой половины XX в., в которых неизбежно отражена современная им политическая идеология, используются как средство распространения этой идеологии государства и подтверждения легитимности управления Японской империей Кореей.

Центральным музеем в японский колониальный период является «Музей правительства Чосон». Он сыграл важную роль в сохранении культурного наследия и пропаганде «новой» истории Кореи. Музей правительства Чосон был открыт 1 декабря 1915 г, в честь 5-ой годовщины японского правительства в Корее. К основным задачам музея относилось

---

³⁴Ли Бёнхо. Исследование археологических памятников Пуё в колониальный период // Хангуккодэсаёнгу. – 2011. – № 61. –С. 121.

³⁵ Там же. С. 119.

ежегодное планирование музейных исследований реконструкция, покупка и продажа экспонатов, публикация отчётов. Музей подчинялся Канцелярии генерал-губернатора Чосона.

С момента создания музея активно началось систематическое и спланированное исследование археологических памятников. Самые интенсивные исследования проводились в «столичных областях» (Таблица 1).

Столицы периода Трёх королевств

Таблица 1

«Древняя столица» (совр. гор.)	Государство
Кёнджу	Силла (I в. до н.э. – 935 г.)
Пуё	Пэкче (I в. н.э. – 660 г.)
Пхеньян	Когурё (I в. до н.э. – 668 г.)

2. Основные направления исследований археологии Кореи

Проведение археологических экспедиций на Корейском полуострове началось ещё задолго до установления протектората 1910 г. Первые находки были найдены ещё в конце XIX в., которые носили случайный характер. Первые экспедиции стали проводить с 1902 г. Сэкино Тадаси (1865 – 1935 гг.) архитектор, историк, художник. Его вклад в изучение восточноазиатского искусства и истории архитектуры остается непревзойденным. Основными районами исследования Сэкино Тадаси стали Сеул, Пусан, Тэджон и Кёнджу.

Первые же систематические полевые исследования с использованием археологических методов начались под руководством Сэкино Тадаси в 1910 г. Яцуи Сэйчи и Курияма Сюнъити документировали древние архитектурные памятники в каждой провинции Корейского полуострова. Эта научная деятельность совпала с кадастровыми работами по всем регионам Кореи,

охватывающим землепользование, транспорт, железные дороги и горную промышленность, выполняемые японскими инженерами в связи с оккупацией Японией. В течение семи лет эти три археолога Сэкино Тадаси, Яцуи Сэичи и Курияма Сюнъити фотографировали, записывали и классифицировали доисторические и древние останки, артефакты и архитектуру в зависимости от периода и категории.

Главными археологическими объектами, изучаемыми японцами стали курганы (кофун), столицы государств периода Трёх царств. Основными причинами такого интереса выступали:

1) слабая изученность и не ясность древней истории Кореи (отсутствие научного представления корейцев о собственной истории давало японским властям возможность интерпретировать её с собственных позиций, основываясь на научности проведения раскопок и наглядности археологического материала);

2) относительная лёгкость выявления курганов и раскопок древних столиц;

3) в период Трёх царств происходили активные контакты с Японией, что так же давало хорошую почву для интерпретаций;

4) кроме того, изучение объектов культуры периода правления династии Ли (1392–1910 гг.) показывало японское колониальное правительство с лучшей стороны. Они показывали то, что им важно сохранить культуру новых поданных, но конечно и здесь не обходилось без интерпретаций.

Кадастровые работы проводимые на Корейском полуострове были спланированным мероприятием. Японским правительством создавался пятилетний план проведения археологических экспедиций. Планирование было удобно для формирования бюджета и привлечения рабочей силы на проведение раскопок. Первый период изучения японцами археологии Кореи

1909–1920 гг. включал в себя два пятилетних плана. Первая пятилетка 1909–1915 гг. состояла из исследований, приводимых под руководством Сэкино Тадаси. Пятилетка состояла из проведения разведочных работ. Она была не особо спланирована, скорее происходил быстрый осмотр всего корейского полуострова на наличие различных культурных объектов.

Второй пятилетний план исследований продолжался с 1916 г. по 1920 г. Основой этой пятилетки, конечно, стало изучение государства Корё и династии Чосон. Но этот план был более спланированным. План по годам выглядел так:

- а) 1916 г. – Когурё;
- б) 1917 г. – Кайя и Пэкче;
- в) 1918 г. – Силла;
- д) 1919 г. – Корё и династия Чосон³⁶.

Вторая пятилетка состояла из активного проведения археологических экспедиций. Как уже было указано выше, по данному плану можно проследить период в изучении, которого японцы имели самые большие интересы.

После второго пятилетнего плана было опубликовано 15 томов отчётов под названием «Исторические прогулки». И опять же 1 и 5 тома добавлены комментарии на английском языке для более широкой публики, которая может изучить данные труды. Интенсивные экспедиции второго пятилетнего плана были окончены к 1917 г., а после 1918 г. происходит сокращение количества археологических раскопок. Что опять же обусловлено финансовыми трудностями.

В первый пятилетний период главную роль играли такие специалисты как Сэкино Тадаси, Яцуи Сэичи, Курияма Сюнъити. Все они являлись

---

³⁶ Кук Сенгха. Исследование колониальной археологии // Мире кёюкёнгу. – 2005. – Т.18, № 2. – С. 3.

выходцами Токийского императорского университета. Если говорить об их специализации, то Сэкино Тадаси работал на архитектурном факультете, Курияма Сюнъити – так же является архитектором, доцентом в области археологии. С 1918 г. в Корею приезжает новая плеяда учёных, которые уже специализируются на археологии и начинают более тщательное изучение (Хамада Косаку, Харада Ёшито, Икэучи Хироши, Умэхара Суэдзи и др.). К примеру, Кура Такаси активно копал Имну (Кая), а Харада Ёшито – памятники государства Силла.

Все исследования были разделены на три части: погребальные памятники (в основном курганы); ритуально-культовые памятники (включая сохранившиеся храмовые постройки и руины); поселенческие памятники (активно изучались «древние столицы» - Кёнджу, Пхеньян, Пуё). Экспедиции проводились в Корее с минимальными затратами и использованием рабочей силы. Кроме того, японские специалисты сосредоточились на областях (районы Пхеньяна, Кёнджу, Пуё, Кэсона и т.д.), необходимых для доказательства логики колониального управления.

В течение 1909 – 1911 гг. Кано Ёшинори провёл археологические экспедиции в 50 городах Кореи³⁷. В основном исследовались центральные административные города. Параллельно проводилось изучение и зарисовка буддийских храмов и святилищ, остатков старых зданий.

2.1. Проблема каменного века на территории Кореи

Одна из самых спорных проблем корейской колониальной археологии – это отсутствие или наличие каменного века на территории Кореи. Первые находки, которые можно отнести к палеолиту и неолиту были найдены ФудзитаРё. Систематических исследований каменного века в первой

---

³⁷Ли Сунча. Изучение исторических исследований в японский колониальный период / Ли Сунча. – Сеул: Kyung-in Publishing Co, 2009. – С. 61.

половине XX в. не проводилось. Самый ранний хронологический период, который исследовался японскими специалистами являлась эпоха Трёх королевств. Забегая вперёд можно сказать о том, что проблема существования или отсутствия каменного века на территории Кореи начала решаться только в 1959 г.³⁸ с проведением экспедиций в провинции Чхунчхон-намдо (совр. Республика Корея) и Хамгён-пукто (совр. КНДР), когда были выявлены первые находки относящиеся к каменному веку.

Находки каменного века, находимые японскими археологами в провинции Чунчхон-намдо в районе городов Кончжу и Пуё, встречались при исследовании периода Пэкче³⁹, но не принимались во внимание. Результаты раскопок в этом регионе до сих пор не пересмотрены и представляют интерес для исследователей, занимающихся изучением каменного века.

Несмотря на активное изучение государства Пэкче во время японского колониального периода, нет никакого анализа находок каменного века. Упоминаний о находках из камня очень мало. Вероятно, это связано с тем, что в то время редко проводились исследования археологических памятников относимых к палеолиту и неолиту. К сожалению, артефакты, найденные японскими археологами, утеряны для современной науки. Информация о них сохранилась лишь только в изданных отчётах, в основном в виде фотографий.

Однако, хотя число раскопок памятников каменного века в колониальный период было небольшим, они имеют очень важное значение. В период с 1910 по 1916 гг. были проведены 7 раз экспедиции, в которых найдены артефакты периода неолита и палеолита. К сожалению, слабо дано

---

³⁸Воробьёв, М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк) / М.В. Воробьёв. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. –С. 128.

³⁹Ли Гисон. Исследование и признание «каменного века» в японский колониальный период // Ёксаватамрон. – 2010. – №33. –С. 8.

описание артефактов периода каменного века и практически отсутствует их интерпретация.

2.2. Исследование Пхеньяна

Генерал-губернатор проявлял особый интерес в древности к изучению Пхеньяна. Это было обусловлено тем, что этот регион имел более активную связь с Китаем. Японское правительство пыталось определить историю Трёх королевств как китайскую историю, а не историю государства Чосон⁴⁰.

Японское правительство старалось собрать больше данных, необходимые для колониального управления Кореей: «Понимание социального, культурного и исторического контекста колониальных жителей было необходимо, поскольку целью колоний было захват и стратегическая эксплуатация человеческих и материальных ресурсов»⁴¹.

В районе Пхеньяна археологические экспедиции были проведены до основания Комитета в 1916 г. К примеру, в 1909 г. Кура Такаси и его семья провели изучение каменных гробниц, расположенных на реке Тэдонг в провинции Южный Пёнган. Это было первое исследование курганов Лолана⁴².

В 1915 г. СэкиноТадаси, Яцуи Сэичи и Курияма Сюнъити раскопали десять погребений государства Лолана. Эти раскопки явились поворотным пунктом в истории корейской археологии, поскольку они были первыми «научными» раскопками, проводимыми на Корейском полуострове с фиксацией изучаемых объектов, используя измерительные методы и фотофиксацию. Отчеты по раскопкам также не имели аналогов в превосходстве карт, записей и рисунков. Японские специалисты датировали

⁴⁰ Кук Сонгха. Создание музея в Пхэньяне // Комунхва. –2004. –№63. – С.111.

⁴¹ Чхве Хэчон. Исследование района Пхеньяна Японией и сохранение древних реликвий // Ёксавасэгэ. – 2016. –№32.– С. 162

⁴² Чон Инсон. Обзор исследований памятников Лолана // Хонам гогохакчоса. – 2006. – № 24. – С. 146.

захоронения I в. до н.э. – IV в. н.э., по надписям, найденным на лакированных изделиях, печатях и кирпичах⁴³.

2.1.1 Исследование государства Когурё

Впервые, Япония обратила внимание на археологические памятники Когурё в 1883 г., когда Сакоку Кадзинобу (начальник штаба японской армии) посетил Чосон и Ляонинский полуостров во время визита в Китай. В период ведения Японией двух войн на Корейском полуострове (японо-китайская война 1894-1895 гг., русско-японская война 1904-1905 гг.) была заложена основа для дальнейших археологических экспедиций в район Пхеньяна и дальнейшего продвижения в Маньчжурию.

В колониальный период исследование государства Когурё (район современного Пхеньяна) началось в 1916 г. с созданием Комитета по исследованию корейских древностей, Музея правительства Чосон и «Правил сохранения руин и древностей Кореи». Затем был взят большой перерыв в исследовании северной части Корейского полуострова до 1931 г., когда Когурё начинает копать Куройта Кацуми. В том же году он создал «Корейскую ассоциацию исследований исторического общества»⁴⁴. Работу Куройта Кацуми принято разделять два периода:

- 1) 1916 г. первоначальное исследование курганов Когурё;
- 2) период, который начинается с 1931 г. (речь о котором пойдёт далее).

Сэкино Тадаси, который упоминался выше как один из основоположников «колониальной» археологии, также являлся зачинателем изучения государства Когурё. «Группа Сэкино» с 1909 по 1915 гг. изучала весь Корейский полуостров. Частым случаем при проведении раскопок

---

⁴³Чон Сонгон. Взгляд Хамады Косаку на «колониальную археологию» // Ильпонмунхваёнгу. – 2011. – № 40. – С. 615.

⁴⁴Янг Шиын. Изучение государств Бохай и Когурё во время японской оккупации // Когурёпархээнгу. – 2010. – №38. – С. 169.

являлось то, что тщательное изучение памятника не проводилось. Это происходило по причине того, что главным интересом японских исследователей являлись хорошо сохранившиеся захоронения (курганы), а те из них, в которых плохо просматривалась системность найденного материала, исключались из отчётов и публикаций.

Если затрагивать методику раскопок курганов то она первоначально заключалась в том, что изначально снималась вершина кургана до проявления верхней плиты погребальной камеры. Из погребальной камеры извлекался весь погребальный инвентарь и кости, раскопки кургана завершались. С накоплением опыта полевых работ была изменена методика раскопок. Теперь для того, чтобы достичь погребальной камеры производился вертикальный срез грунта южного склона кургана. В случае, если выявлялись надписи или рисунки, то до полной их графической фиксации ограничивался доступ к камере⁴⁵.

2.1.2. Исследование Лолана

Впервые японцы столкнулись с археологическими памятниками Лолана в 1909 г. (гробница Сэкамдонг), раскопанная и обследованная «Группой Сэкино» в процессе изучения им Пхеньяна.

В 1909 г. было раскопано несколько захоронений с хорошими условиями сохранности, как костей, так и погребального инвентаря, который был опубликован в японском журнале «Антропология», а фотографии в «Корейских исторических свитках», но описание материала не было доступно для общего пользования. Курганы с более скудными на артефакты или с плохой сохранностью не получили отражения в отчётах и публикациях.

Трудности в разделении археологических памятников Лолана и Когурё состояли в том, что: во-первых, недостаточные знания об истории провинции

---

⁴⁵Янг Шиын. Изучение исследований археологических памятников Когурё и Бохай в колониальный период // Ильчжесыги Манчжуса: Чосонсаинщик. – 2009. – С. 37.

Лолан; во-вторых, географическая близость памятников Лолана и Когурё вводила в заблуждение японских исследователей.

Тот факт, что Куройта Кацуми участвовал в исследовании памятников района Лолан с 1916 г., является самым важным ключом к пониманию цели изучения Лоланской области. Куройта Кацуми, который являлся членом Комитета, прилагал все усилия для демонстрации низкого уровня древней корейской культуры и теории корейской истории⁴⁶. Вот что говорил Куройта по поводу исследований Лолана: «Перед лицом многих административных и финансовых кризисов Японской империи, даже если нет других исследований, изучение памятников Лолана будет продолжаться»⁴⁷.

В 1916 г. в ходе изучения «Группой Секино» района Пхеньяна были обнаружены десять гробниц. В частности, в группе курганов Сэкамри 9, в которых были обнаружены различные бронзовые сосуды, зеркала и японское бронзовое зеркало, которое привлекло внимание исследователей и широкой общественности.

2.3. Исследование Пуё и Конджу

Изучение государства Пэкче было менее активным чем исследования Силла и Когурё. Цель археологического исследования состояла в том, чтобы показать и доказать «подчинённость» корейской культуры более развитым культурам. Так же было необходимо собрать будущие музейные экспонаты, опубликовать информацию об этих артефактах, максимально показать «культурный» характер управления новой колонией.

По сравнению с периодом до 1920-ых гг. внимание на данный регион обращалось недостаточно, нежели в Кёнджу и Пхеньян. На первом этапе

---

⁴⁶Чон Инсон. Археология Лолана в японский колониальный период // Уннамгогохак. – 2011. – С.159.

⁴⁷Чон Инсон. Обзор исследований памятников Лолана // Хонам гогохакчоса. – 2006. – №24. – С. 152.

исследований Кореи в районе Конджу, Пуё и Кванджу японцев в основном интересовали многочисленные буддийские храмы, а только уже потом археологические артефакты.

2.4. Исследование Кёнджу

В первый период археологического исследования Кореи уделялось наибольшее внимание району Кёнджу. Исследование государства Силла началось ещё в 1902 г. СэкиноТадаси, который исследовал юг Кёнджу во время изучения культурных ценностей вокруг Сеула, Тэджона, Кёнджу и Пусана. Затем, с 1906 г., начались полномасштабные раскопки курганных захоронений. Интерес к данной территории был вызван тем, что эти курганы перекликаются с японскими курганами периода кофун.

Ким Ёнгсон высказывает в своей работе «Исследование японцами курганов государства Силла» мысль о причинах интереса японской администрации к району Кёнджу: «Со времени, правительство Мэйдзи собрало необходимые данные для отправки солдат и простых людей в Корею. Использование археологии, истории и культуры Кореи следует интерпретировать как инструменты для обеспечения легитимности японской власти в Корее»⁴⁸.

Со времени создания в 1916 г. Комитета по исследованию корейских древностей активно публиковались отчёты о раскопках курганов Силла.

Несмотря на вклад японских исследователей, их общая идея интерпретации древней истории Кореи не была объектовой и совершенной с научной точки зрения. Исследования документов и археологических данных, неизменно, избирательно использовались для восстановления однолинейного развития корейской истории. Японцами выдвигалась мысль о том, что в

---

⁴⁸ Ким Ёнгсон. Исследование японцами курганов государства Силла // Ёксаватамрон . – 2010. – №33. – С. 41.

зависимости от последовательности культурных и политических завоеваний Корейского полуострова подчеркивались четыре основные темы:

1) теория о том, что есть общее наследственное происхождение корейской и японской нации;

2) утверждение о том, что японские императоры правили Кореей в древние времена (IV-VII в. н. э.);

3) мысль о том, что развитие корейской истории в значительной степени зависит от влияния китайской цивилизации извне и, следовательно, не имеет уникального корейского происхождения;

4) стагнации корейской культуры и истории.

Глава 2. Исследования Кореи японскими археологами в 1920 – 1931 гг.

1. Политика японских властей в отношении объектов археологического наследия Кореи второго периода

Начало нового периода в изучении археологии Кореи было связано с назначением генерал-губернатором Сайто Макото и изменением политики японского правительства в сторону «культурного правления». Жуков А.Е. определяет этот период «либеральным десятилетием» истории Японии и высказывается о внутренней и внешней политике Японии так: «Что касается Японии, то её политика в течение 10 лет после первой мировой войны приобрела новые направления и методы, но при этом сохранила и прежние... Япония сохранила свою колониальную империю, что обуславливало борьбу за военно-политическое разграничение зон влияния на азиатском континенте»⁴⁹.

После февральского восстания 1919 г., японское правительство начинает понимать, что «сабельным режимом» не добиться качественного управления колонией. Смягчение политики было необходимо. Но опять же, кардинальных перемен так и не произошло, внесённые изменения были поверхностные, дававшие иллюзию корейским поданным японского императора.

1.1. Изменение политики в сфере охраны объектов археологического наследия

С 1920-х г. большая часть деятельности Комитета по историческим исследованиям проводилась японскими служащими, а участие корейцев

---

⁴⁹Жуков, А.Е. История Японии. Том 2. 1868-1998 / А.Е. Жуков. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998 – С. 274.

было сильно ограничено. Кроме того, был расширен кадровый состав, как работников Музея, так и Комитета.

В связи с общими изменениями политического курса, японцы пересматривают своё отношение и к сохранению культурных ценностей. В октябре 1921 г. в Бюро по внутренним делам правительства Главного управления генерал-губернатора была создана Секция исторических исследований, в состав которой вошло руководство Комитета по исследованию корейских древностей и музея правительства Чосон. Причиной создания Секции исторических исследований при правительстве генерал-губернатора стала «культурная политика». Секция была в большей степени независима от решений правительства. Устанавливались определённые функции Секции:

а) в ходе обследования следовало уточнить местоположение археологических памятников каждой эпохи;

б) в ходе работ по сохранению объектов культурного наследия должны были быть измерены археологические памятники и артефакты, которые считались важными и необходимыми для сохранения, что также важно для распределения расходов уровне местного самоуправления;

в) регистрировать каждый артефакт или фрагмент артефакта⁵⁰.

Однако из-за ужесточения финансовой политики в 1924 г. археологические раскопки на государственном уровне были отменены. Но, при этом, в 1925 г. отмечаются раскопки, проводимые гражданскими организациями, а не Секцией исторических исследований при генерал-губернаторе. Токийский императорский университет с 1925 г. занимался планированием и проведением археологических экспедиций⁵¹. Секция

---

⁵⁰Ли Сунча. Изучение исторических и археологических исследований японского колониального периода / Ли Сунча. – Сеул: Kyung-in Publishing Co, 2009. – С. 164.

⁵¹Чхве Хэчон. Исследование района Пхеньяна Японией и сохранение древних реликвий // Ёксавасэгэ. –2016. – №32. –С. 171.

исторических исследований была упразднена и все дела велись через Бюро по делам религий, Бюро по академическим делам совместно с музеем. Такая ситуация продолжалась до 1931 г.

Устанавливались два типа отчётов по археологическим экспедициям⁵²: «исторический обзорный отчет» и «специальный отчет». Через «исторический обзорный отчет» Управление генерал-губернатора Кореи показывало результаты археологических исследований Корейского полуострова, особенно районов Кёнджу, Пхеньяна и Пуё. Тем не менее, отчёты по-прежнему были опубликованы Управлением генерал-губернатора Кореи.

Кроме того, в «специальном отчёте» можно увидеть, что исследование каждой территории основывались на описании реликвий и артефактов, которые в то время привлекали внимание японской и мировой общественности.

В результате проведённой работы было опубликовано 46 томов каталогов артефактов в период с 1916 по 1923 гг.

Со времени создания Комитета по исследованию корейских древностей все планы археологических и исторических исследований были расширены до исторических мест, каменные артефакты (дольмены и т.п.), каменные статуи и различные исторически значимые документы и тексты.

1.2. Деятельность музея правительства Чосон и его филиалов в 20-ые гг. XX в.

В 1923 г. японскими властями был проведён опрос в прессе по поводу слияния двух музеев: Музея правительства Чосон и Музея династии Ли. Данная мера была необходима для сокращения бюджетных расходов⁵³.

---

⁵²Там же. С. 172.

⁵³Sang HoonJang. A representation of nationhood: The National Museum of Korea / Sang HoonJang. – Seoul: The National Museum of Korea, 2015. –С. 41.

Донг-ильбо, националистическая газета, решительно возражала против слияния. Руководство генерал-губернатора всё-таки решилось отказаться от слияния, отметив, что «недостаточно адекватная политика по планированию, вызывает антипатию корейцев»⁵⁴. Музей правительства Чосон должен был стать единственным музеем, имеющим статус официального музея для представления японской колониальной администрации.

СМИ как силы, влияющей на мнения людей по тому или иному вопросу, использовалось японцами. Музей и археологические находки показывали культурную, гуманную сторону колониального управления. С помощью газет, в частности популярной в тот период Донг-ильбо. В которой в 1922 г. высказал популярную позицию пропагандируемую японцами корейский журналист Чхве Намсэп: «я полностью недоволен всем, что связано с колониальным правлением, но единственное, что можно похвалить, - это проект археологических исследований»⁵⁵. В газете Донг-ильбо также сообщалось, что исторические факты по древней истории Кореи были прояснены благодаря открытиям и исследованиям японских ученых.

Корейцы хотя и стыдятся того факта, что японцы открыли и истолковали корейскую материальную культуру, но вскоре, ими начал признаваться факт того, что эти археологические памятники были их собственным культурным наследием. Понимание стало приходить с развитием национально-освободительного движения. С другой стороны, достижения, полученные в результате исследований Музея правительства Чосон, способствовали распространению националистических идей, связанных с объектами корейской культуры.

Три золотые короны, раскопанные из королевских гробниц династии Силла в 1920-е годы, стали приобретать все большее значение, как

---

⁵⁴Тамже. С. 41.

⁵⁵Тамже. С. 42.

показательные культурные объекты корейской нации, из-за их уникальности и красоты⁵⁶. Было ясно, что японские власти получили статус первооткрывателей корейской материальной культуры, но артефакты, найденные в Корее в дальнейшем сыграли важную роль для национально-освободительных идей корейцев.

Лекции по археологии археологических памятников Силла, которые были организованы для сбора пожертвований в двух частных школах: школы Кэнам и школы Наммёнг в районе Кёнджу, показали хороший пример для актуализации археологии. Корейские газеты способствовали распространению этой националистической гордости корейцев через культурные памятники, сообщая им о лекциях. Эти лекции, которые происходили с 1923 г. по 1926 г., посещали почти все крупные города в Корее, такие как Сеул, Тэджон, Пхеньян и Инчхон, а также некоторые небольшие округа и представили культурные артефакты Кёнджу. Как показано в одной статье из газеты Донг-ильбо, в которой говорилось, что «у нас, в Корее, если бы не было Кёнджу, как мы могли говорить о культуре корейского народа?» Культурные останки Кёнджу стали гордостью корейцев⁵⁷.

Кроме того, если памятники и артефакты периода Силла не сохранялись бы надлежащим образом колониальными властями, это могло вызвать националистический гнев среди корейцев. Националистические газеты яростно критиковали реальные условия сохранения культурных ценностей. Главным объектом их критики выступала колониальная администрация, которая отстала от своего собственного стандарта. В газетах также требовали постройки новых музеев и библиотек для сохранения

---

⁵⁶Ли Гибэк. История Кореи: новая трактовка / Ли Гибэк. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2000. – С. 125.

⁵⁷Sang HoonJang. A representation of nationhood: The National Museum of Korea / Sang HoonJang. – Seoul: National Museum of Korea, 2015. – С. 53.

большого количества объектов культурного наследия. Интересен тот факт, что корейцы сосредоточили всю критику на сохранении материалов, связанных с мифологическим Тангуном, и яростно высказывали недовольство пренебрежения этими артефактами. В декабре 1926 г. Чхве Намсон опубликовал статью под названием «Ключевой фактор сохранения исторических памятников» в газету Донг-ильбо, сосредоточив внимание на сохранении артефактов связанных с Тангуном⁵⁸.

«Великие исторические артефакты вокруг области Пхеньян - это наши сокровища, которыми мы можем гордиться всем миром. ... Однако японцы утверждают, что эти артефакты - все эпохи Лолана и отрицают, что они являются сердцем наших предков. Я жалею, что ни один кореец не хочет или не может спорить с ними. ... Хотя другие народы находят и завладевают сокровищами, но наши предки скрывали с их, эти идиоты даже не знают, что их украли. Названные корейцы»⁵⁹.

Ещё в одной статье Чхве Намсона, озаглавленной «Позорное клеймо, раскопки Лолана», говорится о том, что никакие корейцы не могли спорить с японскими учеными, которые утверждали, что корейцы украли свою историю. Японцы монополизировали открытия и интерпретацию корейской материальной культуры. Хотя корейские националистические историки стремились собрать свою историю для создания национального сознания, подчеркнув роль Тангуна. Фактически корейцам не удалось опровергнуть японскую интерпретацию культуры Лолана посредством археологических исследований. Критика корейских журналистов фактически заканчивалась сомнением в академической правдивости проводимых японцами исследований.

---

⁵⁸Тамже. С. 53.

⁵⁹Тамже. С.54.

Неотъемлемой задачей правительства считается сохранение свидетельств материальной культуры даже первобытных людей. Это является одним из инструментов объединения нации. По этой причине роль археологии и истории, да и всего цикла гуманитарных наук неумолима. Тем не менее, власти, которые не могут сохранить эти инструменты национального единства не могут считаться честными. Сохранение подлинного значения археологических артефактов являлось одной из важнейших задач корейского национально-освободительного движения⁶⁰.

2. Основные направления исследований археологии Кореи

2.1. Проблема каменного века на территории Кореи

Одним из главных исследователей обращающих внимание на каменный век в Корее был Фудзита Рё. С 1922 г. он работал в архивах Генеральной канцелярии генерал-губернатора. Целью его работы становится общий анализ найденных артефактов за прошедшие 12-15 лет проведения раскопок. Три года работы в архиве выливаются в его труд «Древние реликвии Чосона. Лекция по истории Чосона»⁶¹ опубликованный в 1925 г. Он разделяет древнюю историю Кореи на периоды⁶²:

- a) доисторический период;
- b) культура Хань;
- c) китайско-японский период;
- d) период Трёх королевств;
- e) период Корё.

Доисторический период Фудзита Рё связывает с каменным веком, а его окончание с вторжением на Корейский полуостров более развитой китайской

---

⁶⁰ Там же. С. 55.

⁶¹ Ли Гисон. Исследование и признание «каменного века» в японский колониальный период // Ёксаватамрон. –2010. –№33. – С. 9.

⁶² Там же. С. 9-10.

культуры бронзы. По результатам проведённого исследования Фудзита Рё активно утверждал наличие эпохи камня в Корее. Однако, за исключением исследования горы Кимхэ (Gimhae Mound) в 1922 г. Фудзита Рё, у которого никогда не было опыта изучения памятника периода камня, заимствовав концепцию каменного века у Тории Рюдзо.

2.2. Исследование Пхеньяна

В районе Пхеньяна, начиная с 1909 г. до создания Комитета по исследованию корейских древностей в 1916 г. было проведено из провинции Лолана. Однако в 1924 г. из-за отмены государственных археологических исследований крупномасштабные раскопки не проводились. С 1931 г. изучение стало проводиться новыми исследователями.

Поскольку были приняты «Правила сохранения руин и древностей Кореи» 1916 г., и все найденные артефакты должны быть собраны и храниться в Музее правительства Чосон⁶³. Однако, большое количество накопленного материала собранного в районе Пхеньяна дало импульс для создания 10 августа 1928 г. Музея Пхеньяна и библиотеки. После открытия библиотеки в здании музея, неожиданно увеличилось число посетителей, которые теперь в более комфортной обстановке могли изучать отчёты, каталоги музейных экспонатов и т.д.

Изначально утверждалось, что создание филиала Музея правительства Чосон не получит большой прибыли. Однако губернатор Пхеньяна использовал местные ресурсы: муниципальные деньги, меценатство, для открытия музея и библиотеки. С ними также сотрудничали Общество охраны Пхеньяна и Комитет по сохранению корейских древностей. Проект создания музея и библиотеки подразумевал общественный характер управления этим

---

⁶³Чхве Хэчон. Исследование района Пхеньяна Японией и сохранение древних реликвий // Ёксавасэгэ. – 2016. – №32. – С. 174.

музеем, до того момента, пока он не будет передан правительству, как филиал Музея правительства Чосон⁶⁴.

Куроита Катцуми рассказывал следующую историю на лекции по культуре Чосон, состоявшейся в Токио в 1921 г.:

«Я думал, что самые древние курганы были распространены на севере Кореи. Но, в процессе изучения бассейнов таких рек, как Тэдон и Нарита были найдены самые древние курганы китайского типа. По этой причине Пхеньян можно назвать китайской колонией. Некоторые, осматривая китайские гробницы бассейна реки Тэдон называют их Накагару, и утверждают, что это был первый центр развития Китая. Район Пхеньяна был полностью китаинизированным, и люди, живущие в Кэсоне, утверждали, что жили хотя бы где-то в другом месте. Это позволяет утверждать, что Пхеньянская область бассейна реки Тэдонг уже давно является китайской колониальной. Этот аргумент, основанный на так называемых эмпирических данных, в равной степени принимается в научной среде»⁶⁵. Отправной точкой археологических доказательств японских исследователей, таких как Куроита Катцуми, является свидетельство о существовании в Лолане армии, организация которой схожа с китайской.

В связи с повышением интереса к провинции Лолан между 1923 и 1924 гг. привел к разрушению 600 захоронений, проводимых расхитителями старины⁶⁶. В Пхеньяне Фудзита Рё в ускоренном порядке с 1924 г. начал изучать четыре больших кургана Сеокамри. Им были обнаружены многочисленные находки периода Лолан.

С другой стороны, результаты исследований 1924 г. не были опубликованы в течение длительного времени. Только лишь в 1974 г., спустя

---

⁶⁴ Лим Нарэ. Учреждение и значение музеев Кэсона и Пхеньяна во время японского колониального периода / Лим Нарэ. – Сеул: Korea aUniversity, 2015. – С. 13.

⁶⁵ Кук Сонгха. Создание музея в Пхэньяне // Комунхва. –2004. –№63. – С. 115-116.

⁶⁶ Чон Инсон. Археология Лолана в японский колониальный период // Хангуккукрипмунсопоквансо. – 2011. – С.166.

50 лет после проведения раскопок, Ким Чжевон, который в то время возглавлял Национальный музей, изучил материалы данной экспедиции в США⁶⁷.

В последствии, Ким ЧжеВон обнаружил в материалах, которые хранились в США, важные новые данные для понимания истории государства Лолан (внутренняя структура погребальных камер, методы проведения раскопок и аэрофотосъёмки курганов, которые были впервые сфотографированы в Азии). Большинство найденных артефактов были вывезены в Токийский императорский университет, игнорируя принцип сохранения на местах археологического материала, и теперь хранятся в Токийском университете⁶⁸.

2.3. Исследование Пуё и Конджу

Только в конце 1920-х гг. Пуё начал занимать свое, важное место в качестве национальной туристической достопримечательности. Центральную роль в создании в Пуё туристических объектов сыграл закон 1929 г., согласно которому было создано Общество охраны Пуё, занимающееся сохранением объектов культурного наследия⁶⁹. В колониальный период в 1915 г. так же были созданы Общества охраны в каждом из районов Кореи.

В 1920 г. генерал-губернатор создал концепцию так называемой «культурной политики» и реорганизовал исторический исследовательский проект. В 1921 г. в Министерстве образования был создан Отдел исторических исследований для наблюдения за музеями и историческими объектами. Тем не менее, Департамент исторических исследований Министерства внутренних дел сократил число студентов в связи с

---

⁶⁷ Там же. С. 158.

⁶⁸ Там же. С. 159.

⁶⁹ Чхе Сокён. Интерпретация памятников Пуё в колониальный период и формирование туристической зоны // Пикёмухваёнгу. –2003. –№9(1). – С. 111.

ужесточением финансовой политики в 1923 г. и к 1924 г. было отменено полностью обучение на специалистов, занимающихся: сбором, охраной и реконструкцией объектов культурного наследия, передав работу в Отдел по делам религий и Бюро по академическим вопросам до 1931 г.⁷⁰.

Первый визит генерал-губернатора Саито Макото в Пуё состоялся в 1926 г. и его реакция на историю и культуру Пуё была таковой: «Если Кёнджу называют Нарой в Корее, то Пуё - старый город Асука»⁷¹. В тот период времени высказывалось много предположений о схожести культур Корейского полуострова с культурой японских периодов Асука и Нара. Единство Кореи и Японии 6-8 вв. н.э. рассматривалось японцами, как время переговоров и налаживания связей между Корейским полуостровом и Японским архипелагом⁷².

Расширение железнодорожной инфраструктуры Кореи стимулировало рост числа японских туристов в древней столице Пэкче–Конджу. Публикация необходимых путеводителей, периодических изданий, расширение транспортных узлов и количества транспортных средств, объектов размещения были увеличены по приказу генерал-губернатора Кореи для увеличения прибыли туристического бизнеса на «новой японской земле».

В дополнение к этим внешним изменениям также начинают прибавляться мероприятия по расширению Общества по охране Пуё и его функций, создаётся Общество сохранения культуры Пэкче, которое было расширено в конце февраля 1929 г. до уровня корпорации активно работающей в сфере туризма, сохранения культурного наследия и музеефикации объектов культурного наследия. В ходатайстве о создании

---

⁷⁰ Ли Бёнхо. Исследование археологических памятников Пуё в колониальный период // Хангуккодэсаёнгу. –2011. –№61. – С. 126.

⁷¹Тамже. С. 128.

⁷²Тамже. С. 140.

корпорации и уставе о создании компании было подчеркнуто, что Пэкче оказало большое влияние на формирование культуры Асука, и определила развитие дальнейших глубоких связей между Японией и Кореей⁷³.

С 1920-х гг. начался процесс сокращения проведения раскопок по причине финансовых сложностей, а также административных проблем связанных с организацией исследований. С 20-х годов примерно до 1935 г. основной деятельностью по изучению Пуё являлся осмотр храмов и святилищ.

2.4. Исследование Кёнджу

В качестве важных археологических памятников изучаемых в районе Кёнджу выступают Сэбонгун 81 и Носэдонг 129. Другие исследования в этом регионе активно начались с 1924 г. в южной части г. Кёнджу с гробниц Кёрёнсан и Сонсанри. А так же, после открытия изучения гробницы Золотой короны, где найдены ценные артефакты (золотая корона государства Силла, золотая обувь, погребальный инвентарь и т.д.), которые хорошо показывают развитие гробниц в Кёнджу. Хотя целью раскопок было изучение структуры каменной кладки мавзолея Силла, можно сказать, что раскопки, основанные на предположении о том, что реликвии будут найдены из насыпей вокруг, был очень популярен в среде японских археологов. Исследование цепи курганов Вольри являлось ярким примером применения этой, новой, методики раскопок.

Исследование кургана Чонмачонг (гробница Небесного коня) в Кёнджу в 1921 г. было направлено на поиски находок из золота для пополнения экспозиции Музея правительства Чосон. Курган Чонмачонг имел важное академическое значение. В 1924 г. было проведено изучение ещё 36 курганов в округе кургана Небесного коня. В конце концов, дальнейшее

---

⁷³ Ли Сунча. Изучение исторических и археологических исследований японского колониального периода / Ли Сунча. – Сеул: Kyung-in Publishing Co, 2009. – С. 422-423.

расширение исследований района г. Кёнджу приводило к разрушению курганных захоронений. В 1926 г., во время сбора почвы, необходимой для установки кабелей были проведены раскопки цепи курганов.

Второй этап изучения японскими археологами древней истории Кореи носил замедленный и противоречивый характер. В связи с финансовыми трудностями раскопки на государственном уровне были приостановлены с 1924 г., но неофициальное исследование продолжалось. Часть отчётов написанных с 1924 г. по 1931 г. является утерянной для науки. Но при этом были скрупулёзно зафиксированы и изучены те памятники, в которых находился наиболее ярких и красочный материал для Музея правительства Чосон и создаваемых в этот период маленьких муниципальных музеев.

Частичная передача прав на ведение раскопок в руки Токийского императорского университета показывала двойное отношение к сбору и хранению археологического культурного наследия Кореи. Не возможность участия корейцев в анализе артефактов собственной культуры и вывоз этих артефактов в Токийский императорский университет замедляли развитие национально-освободительного движения.

Глава 3. Исследования Кореи японскими археологами в 1931 – 1945 гг.

1. Политика японских властей в отношении объектов археологического наследия Кореи третьего периода

С 1931 г. Япония начинает создавать платформу для вторжения на континент. Первым шагом для начала войны стало появление в Маньчжурии нового государства под управлением Японии – Маньчжоу-го. За этим последовало развязывание войны с Китаем (1937 г.) и Тихоокеанской войны (1941 г.). Корея была реорганизована в логистическую и ресурсную базу для дальнейших военных действий на континенте. Что, конечно же, сказалось и на культурной политике проводимой генерал-губернатором.

Поскольку Япония стремилась к господству на Востоке, а японские ученые также хотели иметь, в некотором смысле, академическое лидерство на Востоке и конкурировать с западными учеными. В этой связи, как уже упоминалось ранее, происходило активное сотрудничество между академической и административной сферой японской колониальной власти.

Корейская интеллигенция же была не конкурентоспособна по сравнению с японцами, не было возможности для научного изучения корейской материальной культуры, и лишь несколько корейцев начали свою карьеру в период аннексии, как искусствоведы или исследователи в Корее или за рубежом с 1930-х годов⁷⁴.

Особое внимание японцев привлекала культура Трёх королевств по той причине, что она создала огромное количество материальных источников, к примеру великолепные золотые короны и аксессуары. Археологические источники, найденные в Кёнджу, способствовали укреплению авторитета

---

⁷⁴Sang HoonJang. A representation of nationhood: The National Museum of Korea / Sang HoonJang.– Seoul: The National Museum of Korea, 2015 – С. 55.

японских ученых как первооткрывателей корейской культуры. Этот авторитет также подтверждал неопровержимость их аргументов. К примеру, предполагаемое завоевание Силлы Японией в 3 в. и колонизация Кайя 6 в.

1.1. Деятельность правительства в сфере охраны объектов археологического наследия

Изменение во внутренней и внешней политике Японской империи снова отразилось на институтах, функционирующих в колониях. Сокращение бюджета двигало властей к идее самофинансирования археологических экспедиций и музеев. Концепция корейской древней истории к 30-ым гг. XX в. уже была сформулирована японскими исследователями, по этой причине не требовалось дальнейшего углубленного изучения археологии Кореи. В августе 1931 г. создаётся «Корейское историческое общество» с целью инициировать исследования культуры Лолана и Силла. Историческое общество подчинялась управлению генерал-губернатора Кореи, и отвечало за исследование и публикацию исторических и археологических трудов⁷⁵.

На местных уровнях должны были быть организованы общества по сохранению объектов культурного наследия. Фактическая деятельность такой организации должна оцениваться отдельно «Корейским историческим обществом», дополнительной функцией которого стал надзор за местными обществами.

В этих условиях политика направленная на сохранение культурных ценностей, наконец, дошла до институционального уничтожения и передаче всех обязанностей в руки местных энтузиастов.

Создание нового общества отменяло изданные 1916 г. «Правила сохранения руин и древностей Кореи», а так же закон о создании «Комитета по исследованию корейских древностей». К августу 1931 г. был подготовлен

---

⁷⁵Там же. С. 57-58.

новый проект устава «Корейского исторического общества»,⁷⁶ согласно которому:

В ст. 1 отменялось существование «Комитета по исследованию корейских древностей», который был заменён новым органом – Корейское историческое общество.

В ст. 2 говорилось о том, что основной целью работы Корейского исторического общества становится изучение Пхеньяна и Кёнджу.

Ст. 3 пленарные заседания Корейского исторического общества отныне проводятся в Музее правительства Чосон.

Ст. 4 расходы на пленарное заседание покрываются взносом за обслуживание и поддержки деятельности на пленарных заседаниях.

Ст. 5 рабочий год проведения исследований приравнивался к финансовому году.

Ст. 6 финансовый план Корейского исторического общества определяется решением совета префектуры. Отчётность производится в течение двух месяцев после окончания года.

Ст. 7 Корейское историческое общество состоит из следующих сотрудников: пять директоров, два аудитора, член совета и два секретаря. Один из директоров является главным директором и назначается начальником главного управления генерал-губернатора Кореи. Директор, аудитор, советник и секретарь назначаются директором.

Ст. 8 главный директор возглавляет Корейское историческое общество. В случае непредвидимой ситуации произошедшей с главным директором он должен представлять свои обязанности председателю. Председатель осуществляет помощь главному директору и отвечает за выполнение этих дел. Аудитор проверяет бухгалтерию пленарного заседания. Секретарь отвечает за общие дела от имени главного директора.

---

⁷⁶ Ли Сунча. Изучение исторических и археологических исследований японского колониального периода / Ли Сунча. – Сеул: Kyung-in Publishing Co, 2009. – С. 220.

Ст. 9 Общество организует собрание своих директоров и советников и проводит важные заседания, касающиеся пленарного заседания. Корейское историческое общество созывается по необходимости.

Ст. 10 Правила, необходимые для осуществления деятельности пленарного заседания, решаются главным директором общества.

Корейское историческое общество теперь занималось скорее не планированием и проведением экспедиций, а решало вопросы о выдаче или не выдаче денег на проведение раскопок, выполнение бумажной волокиты.

А так же вводился новый закон «О сохранении сокровищ, древних мест и естественных памятников» 1933г. Это постановление расширяет объект, подлежащий сохранению до заповедных мест, флоры, фауны и памятников природы⁷⁷. Выход нового закона был связан с развитием транспортных путей и строительством новой инфраструктуры, ввиду образования Маньчжоу-го в 1931 г. По данному закону сохранением культурного наследия теперь могли заниматься не только японское правительство, но и частные лица, музеи и провинциальные власти. Передача обязанностей по сохранению объектов культурного наследия в частные руки, говорит о финансовых ограничениях японской политики в Корее.

В этом законе также были четко определены критерии классификации самых престижных сокровищ. К концу колониального периода в 1943 году в реестре генерал-губернатора насчитывалось около 591 пункта, который был разделен на четыре категории: 340 сокровищ; 101 исторический остаток; 4 известных места; 146 памятников природы⁷⁸. Интересно, что колониальные власти рассматривали регистрацию сокровищ как практику для единства двух народов - японцев и корейцев. В этой связи статья, опубликованная 1

---

⁷⁷Pai HyungIl. The politics of Korea's past: The legacy of Japanese colonial archaeology in Korean peninsula //East Asia History. – 1994. –№ 7. –Р. 42.

⁷⁸Чжи Конгиль. Хроника археологических исследований 1880-1980 гг. / Чжи Конгиль. – Сеул, 2016. – С. 156.

декабря 1938 г., была озаглавлена «Укрепление гармонии Японии и Кореи через сокровища и исторические памятники, новая регистрация 24 предметов!»⁷⁹.

Культурное наследие Кореи с 30-ых гг. XX в. становится для правительства генерал-губернатора золотой жилой развития туризма на Корейском полуострове. Проводились различные мероприятия, связанные с актуализацией музеев, археологических памятников. Одной из первых таких акций стала «неделя музеев», которая началась по всей империи с ноября 1933 г. Эта акция показывает, что действия, предпринятые колониальными властями, были направлены на то, чтобы убедить людей признать культурные объекты и исторические остатки в качестве общего основания для национальной солидарности империи⁸⁰.

10 сентября 1935 г. правительство также установило «День приезда на исторические памятники». Это была еще одна попытка использовать культурное наследие для национального единства между японцами и корейцами и роста туристов. Даже Донг-ильбо, одна из националистических газет, сообщила, что «День приезда на исторические памятники» был направлен на сохранение этих останков и неоспоримый факт, что Япония и Корея были одной нацией⁸¹.

Политическое намерение политики в области культурного наследия стало заметным с началом китайско-японской войны в июле 1937 г. 10 сентября 1937 г. японский директор Бюро просвещения при генерал-губернаторе Шиобара Токисабуро упомянул в своем радиообращении, посвященном дню посещения исторических памятников следующее: «Сегодня - это день исторических памятников, в котором особо

---

⁷⁹Там же. С. 156.

⁸⁰Sang HoonJang. A representation of nationhood: The National Museum of Korea / Sang HoonJang. – Seoul: The National Museum of Korea, 2015.– С. 154.

⁸¹Тихонов В.М., Кан Мангиль История Кореи: в 2 т. Т.1: С древнейших времён до 1904г. – М.: Наталис, 2011. – С. 161.

подчеркивается дух сохранения драгоценных исторических предметов, которые мы, Корея, завещали тысячи лет. Эта кампания не должна заканчиваться только сохранением материалистических останков. Эти артефакты свидетельствуют о том, что Корея и Япония - одна нация. Понимая и лелея это понятие, я думаю, что мы должны объединиться, как жителей этого полуострова, так и лояльных подданных Японской империи. Делая это, мы должны сделать еще один шаг и завершить нашу миссию в качестве ведущей страны на Востоке»⁸².

Корейское исследовательское общество созданного в середине японского колониального господства не имел практических финансовых и людских ресурсов для фактического проведения всех исследований по сохранению национальной истории. В каждом регионе были созданы местные природоохранные группы по мере необходимости. Целью создания этих местных объединений было сохранение древних развалин, разбросанных по каждому региону, что соответствовало политике в сфере культуры.

Поэтому большинство раскопок с 1931 г. первоначально проводились дзайбацу (яп.) чеболями (кор.), таким как Митсубиси, а после 1933 г. активные раскопки стали проводится местными сообществами под руководством Корейского исторического общества.

С 1933 г. было сокращено количество специалистов, учувствовавших в исследованиях, что повлекло за собой новую особенность проведения раскопок, которая заключалась в том, что артефакты должны были быть найдены легко. Исследования были сконцентрированы на курганах Лолана, Когурё и Силла, богатых находками, по сравнению с другими памятниками. Бюджет, выделяемый генерал-губернатором, который до этого использовался

---

⁸²Тамже. С. 162.

для проведения раскопок, был перекинут на ремонт и техническое обслуживание зданий.

Эффективность концепции древней истории Кореи имела большое значение в ранний период аннексии, но развитие этой концепции было медленным, из-за слабости идеологического аспекта и снижения практической полезности в 1930-х годах.

1.2. Деятельность музея правительства Чосон и создание филиалов в 1931-1945 гг.

Цель создания музея Пхеньяна состояла в том, что бы более ярко отметить годовщину открытия музея правительства Чосон, состоявшуюся 7 октября 1933 г. По мнению генерал-губернатора Угаки Кадзусигэ значение Пхеньяна для Японии состояло в том, что культура Лолана представляла собой наиболее сохранившуюся и интересную для японской и иностранной публики часть колониальной истории Кореи. Таким образом, Музей Пхеньяна был местом, где отображались с намерения колониальных властей.

Создание Музея Кэсона было начато 1 ноября 1931 г. в рамках празднования создания префектуры⁸³. Активная финансовая поддержка создания музея происходила не только от частных музеев, но и от местной администрации и крупных японских финансовых компаний, таких как Mitsui Bussan Co., Mitsubishi и т.д.

Последние государственные издания отчётов были закончены к 1935 г., по причине уже полного перехода археологических исследований в частные руки. Коллекции Музея правительства Чосон к тому времени были уже собраны, а местные музеи имели право самостоятельно проводить

---

⁸³Лим Нарэ. Учреждение и значение музеев Кэсона и Пхеньяна во время японского колониального периода / Лим Нарэ. – Сеул: Korea University, 2015.–С. 20.

экспедиции за свой счёт. Активным сбором материала в личные собрания начинают заниматься корейские интеллигенты.

Националистические газеты продолжали критиковать японскую колониальную политику в области сохранения объектов культурного наследия. После того как корейские исследователи получали ученые степени, для них создавался барьер по продвижению по карьерной лестнице в колониальной Корее. В этом контексте эти критические замечания не переросли в полноценные и постоянные интересы к профессиональным, научным исследованиям в среде корейцев⁸⁴.

Как упоминалось выше, неделя музеев была направлена на формирование общей идеи единства для того, чтобы убедить людей признать культурные объекты и исторические остатки в качестве общего основания для национальной солидарности империи⁸⁵.

С точки зрения этой ситуации интересно, что корейская аудитория, посещающая музей правительства Чосон, резко увеличилась с 1937 г. Более наглядно данный материал указан в приложении 2. В таблице 1 указано общее количество посетителей Музея правительства Чосон и Музея семьи дома Ли, если посмотреть в процентном соотношении популярность посещения музеев, то наглядно видно, что за весь период аннексии треть всех посетителей приходится на четыре года с 1937 г. по 1941 г. На начальных этапах протектората, примерно такое же количество посетителей зашло в стены музея в период с 1916 г. по 1928 г. С 1924 по 1936 гг. японские процент посетителей от общего числа посетителей был выше, чем у корейцев, за исключением трех лет. Эта статистика подразумевает, что корейцы не были основной аудиторией музея правительства Чосон. Резкое увеличение корейской аудитории с 1937 г., по-видимому, было связано с тем,

---

⁸⁴Sang HoonJang. A representation of nationhood: The National Museum of Korea / Sang HoonJang. – Seoul: The National Museum of Korea, 2015 – С. 56.

⁸⁵Тамже. С. 57.

что колониальные власти мобилизовали корейцев для участия в выставках с целью призыва принять представление о том, что Корея и Япония являются одной этнической нацией. Фактически, в 1938 г. музей правительства Чосон провел специальную выставку «Отношения между Кореей и Японией в древний период», чтобы распространить представление о том, что Корея и Япония были одной этнической нацией⁸⁶. Также можно понять в том же контексте, что и местные музеи также показали резкое увеличение аудитории с 1938 г. Эти увеличения свидетельствуют о том, что колониальные власти пытались использовать культурное наследие Кореи для продвижения своих идей корейским подданным японского императора.

Тем не менее, некоторые корейцы заметно участвовали в исследованиях и сборе культурных объектов либо как личное хобби, либо по националистическим мотивам с 1930-х гг. Хотя коллекционерам не удалось вмешаться в официальную интерпретацию корейской материальной культуры, некоторые коллекционеры проявили явную националистическую мотивацию к сбору артефактов. Корейский землевладелец, Чон Хонгпиль (1906-1962 гг.), начал собирать корейские культурные объекты с 1930 г. при содействии некоторых корейских специалистов, таких как О Сэчанг (1864-1953 гг.), который поддерживал традицию от Чосона династии как каллиграфа и коллекционера. Чон Хонгпиль даже создал частный музей в Сеуле в 1938 г., хотя он не смог его открыть для публики до освобождения страны в 1945 г. С тех пор его коллекция корейской живописи и керамики были оценены как не имеющие себе равных по качеству в Корее. Помимо него, было с десятков корейских коллекционеров, некоторые из которых сохранили свои коллекции и пожертвовали их в Национальный музей Кореи после освобождения⁸⁷.

---

⁸⁶Там же. С. 61.

⁸⁷Там же. С. 63.

В академическом мире было всего несколько корейских ученых, изучавших корейскую материальную культуру. Го Юсоб (1905-1944 гг.), который специализировался в области эстетики и истории искусств в Императорском университете им. Кэйджо, был почти единственным исследователем в истории искусства Кореи. В 1933 г. он стал директором Музея префектуры Кэсона и посвятил себя исследованию истории корейского искусства. Помимо истории искусства, корейские деятели занимались корейским фольклором и археологией, некоторые из которых учились в европейских университетах. Однако это давало им легкость в получении регулярных рабочих мест в поле и возможности отстаивать свою интерпретацию корейской материальной культуры в спорах с японскими учеными, хотя они проводили свои исследования с националистическими мотивами.

Среди корейских коллекционеров Музей правительства Чосона собрал большое количество экспонатов, а так же коллекции паломников и украденных предметов с первых дней сбора материалов и т.д.⁸⁸. Бюджет Музея правительства Чосон был расширен, но никаких иных временных средств не было предоставлено Музею правительства Чосон.

2. Основные направления исследований археологии Кореи

2.1. Проблема каменного века на территории Кореи

Изучением каменного века с 1910-х по 1930-е гг. представленное трудами японских археологов Тории Рюдзо и Фудзита Рё, несколько отличается от того, что связано с логикой колониальных властей.

Исследования каменного века Корейского полуострова были начаты японскими исследователями во время японского колониального периода. Именно Тории Рюдзо и Фудзита Рё создали представление об

---

⁸⁸ Ли Сунча. Изучение исторических и археологических исследований японского колониального периода / Ли Сунча. – Сеул: Kyung-inPublishingCo, 2009. – С. 242.

археологических исследованиях каменного века, которые занимали очень небольшую долю археологических исследований, проведенной под руководством генерал-губернатора Кореи. Однако результаты исследования каменного века использовались не только в научной среде, но и, скорее, активно использовались в создании концепции древней истории Кореи. Тории Рюдзо настаивает на правильных, с точки зрения японцев, неравных отношениях между Корейским полуостровом и Японией в древности, и это обосновывается на примере археологического материала. Фудзита Рё следует за идеей понимания каменного века Тории Рюдзо, он фокусируется на подтверждении системы внешней передачи культурных инноваций на Корейский полуостров, а не на неравных отношениях между Корейским полуостровом и Японией.

Тории Рюдзо известен, как и археолог, так и антрополог. Основным научным его интересом является археология Японского архипелага. Как археолог, он не являлся экспертом в археологии Кореи. Исследования корейской археологии, проводимые им, особенно каменного века были субъективны и не профессиональны. Археолог Сакеори Куно сказал следующее, по поводу наличия или отсутствия каменного века в Корее: «Исследований и материала, относящихся к каменному веку мало, поэтому нет необходимости устанавливать его как особенный период истории развития человека на Корейском полуострове»⁸⁹.

Тории Рюдзо, в целом, говорил о том, что необходимо:

- а) идентификация и исследования каменного века Корейского полуострова;
- б) обозначить сходство с артефактами японского каменного века;
- в) описать результаты в присущих японцам теориях.

---

⁸⁹Ли Гисон. Исследование и признание «каменного века» в японский колониальный период // Ёксаватамрон. –2010. –№33. –С.19.

В отличие от Тории Рюдзо, Фудзита Рё является экспертом в археологии Кореи. Первые его археологические изыскания связаны именно с Корейским полуостровом, отдельного изучения японской археологии он не проводил. Он никогда не публиковал статей о японской археологии до своего возвращения в Японию. Для него археологические исследования, проводимые на Корейском полуострове не были предназначены для доказательств его концепций японской археологии, а для него они выступали доказательством легитимности колониализма посредством исследований на Корейском полуострове. Поэтому его исследования каменного века сосредоточены на систематизации материала и построения цельной теории древней истории Кореи⁹⁰. Если Тории Рюдзо сосредоточился на изучении Корейского полуострова по отношению к Японии, то Фудзита Рё активно изучал культурные факторы археологии Кореи.

С 1930-х гг. проводилось активное изучение периодов Дзёмон и Яёй в японской археологии. Были созданы теории, основанные на присутствии континентальных элементов в Дзёмоне и периоде Яёй, которые воспринимали это как должное. Для Фудзита Рё, как и для Тории Рюдзо, было бы нецелесообразно отличать период каменного века в Кореи и в Японии. При изучении каменного века на Корейском полуострове в центре внимания оказалась проблема влияния внешних культур, которая пришла с движением групп людей⁹¹. Для понимания каменного века, который имеет множество культурных элементов, исходящих извне, Фудзита Рё создал концепцию «золотого камня» - колониальный период каменного века древней истории Кореи.

---

⁹⁰Там же. С.20.

⁹¹Алкин С.В., Комиссаров С.А. Археологические культуры корейского полуострова (каменный век – ранний железный век): краткий обзор современного состояния изученности. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2010. – Том 9, выпуск 5: Археология этнография. – С.21.

2.2. Исследование Пхеньяна

Исследование археологических памятников в районе Пхеньяна под японским правлением проводилось более тщательно при работе Комитета по исследованию корейских древностей. Однако к 1931 г. политика жесткой экономии ограничила количество проводимых археологических исследований. Поэтому был создан Научно-исследовательский институт Пхеньяна Корейского исторического общества, который является подчиненной организацией генерал-губернатора. До освобождения они фактически взяли на себя ответственность за археологические исследования в Корее⁹².

С 1931 г., после наводнения 1925 г., после долгого отсутствия археологического изучения Пхеньяна стали снова проводиться археологические экспедиции. Большое внимание было уделено цепи курганов Ояри (Ояри 18, Ояри 19, Ояри 20 и с июля 1931 г. Ояри 21). С середины сентября до конца ноября исследования происходили на памятниках Сокамри 201, Сокамри 260, Намчонри 116, Хванамри 82 и Хванамри 83⁹³.

В связи с финансовыми трудностями японского колониального правительства Корейское историческое общество с 1931 г. стало получать помощь от Японского общества содействия науке и Научно-исследовательского института Пхеньяна, как наиболее заинтересованных организаций в проведении дальнейшего изучения археологии Кореи.

В соответствии с политикой, проводимой в 1937 г. японским генерал-губернатором было решено сосредоточиться на остатках буддийских храмов

---

⁹²Чхве Хэчон. Исследование района Пхеньяна Японией и сохранение древних реликвий // Ёксавасэгэ. – 2016. – №32. – С.201.

⁹³Чжи Конгиль. Хроника археологических исследований 1880-1980 гг. / Чжи Конгиль. – Сеул, 2016. – С. 218.

и местах их раскопок, в дополнение к исследованию гробниц реликвий Когурё.

2.3. Исследование Пуё и Конджу

В 1939 г. генерал-губернатор Кореи решил создать филиал Музея канцелярии генерал-губернатора в Пуё совместно с министром транспорта, было решено установить музей на основе туристического маршрута и связи с железнодорожными путями.

В 1935 г. в Пуё был создан Научно-исследовательский институт Пэкче, посвященный раскопкам гробниц в районе Конджу и Пуё.

В целях экономии денег, в исследовательском институте не было штатных исследователей, скорее они были назначаемыми главой правительственного музея Чосона и главой полиции.

Раскопки 30-ых гг. XX в. начинаются с исследования Сонгсанри 6 и исследования Сонгсанри 29. По первичным результатам экспедиций и находкам кирпичей по форме и методу изготовления, похожим на лянские кирпичи, что свидетельствует (с точки зрения японских учёных) о том, что на культуру Пэкче повлияло Янцзы, особенно на юге⁹⁴.

Исследования после 1935 г. проводились в районе Пуё. В мае 1938 г. были раскопаны гробницы в районе Баннам в Наджу. Согласно отчету, раскопки приводились на памятниках Шичонри 6 и Дэксанри 2, которые представляют собой курганные насыпи (японцами эти курганы приравниваются к схожим курганам периода Кофун). Из-за разграбления и разрушения японцам не удалось тщательно изучить курганы Дэксанри 3 и Дэксанри 9, но они имели схожую форму с древними японскими гробницами

---

⁹⁴Ли Бёнхо. Исследование археологических памятников Пуё в колониальный период // Хангуккодэсаёнгу. –2011. –№61. –С. 141.

или основами буддийских храмов (плохая степень сохранности насыпи не даёт возможности точного определения объектов исследования).

Исследование на территории бывшего государства Пэкче в 30-ые гг. активизируется вокруг «храмового участка» района Пуё. До раскопок в 1935 г. археологические исследования на Корейском полуострове были сосредоточены на древних гробницах⁹⁵.

В 1930-х годах возобновление расследования захоронения и переваривание туристических достопримечательностей привело к формированию Дворца Кёнгун и строительства Шиндо, а Пуё был описан как в брошюре, опубликованной для туристов посещающих Корею, как в город Пэкче, который был местом наиболее сильного конфликта с Японией⁹⁶. Однако проекты по созданию большого туристического центра в провинции Чхунчхонамдо были осуществлены 8 декабря 1941 г. Строительство храма так и не было завершено. Японцам удалось закончить работу храма лишь к первой половине 1945 г.

2.4. Исследование Кёнджу

Район Кёнджу с 30-ых гг. выступает как туристический объект. Это можно увидеть в брошюре опубликованной в 1935 г. – «Руководство по исторической карте Кёнджу»⁹⁷.

В результате археологического исследования культурных влияний на Силла, проведенного в районе Кёнджу, была выявлена, японскими специалистами, высокая роль японских культурных и политических влияний. Все больше подчеркивалось, что при изучении культуры и истории

---

⁹⁵ Юн Ёнхёк. Изучение реликвий Пэкче // Хангуксахакпо. – 2006. – № 25. – С. 139.

⁹⁶ Чхве Сокён. Сильные стороны колониального периода и формирование туристической зоны в Пуё // Индочжуишинмун. – 2002. – № 35. – С. 142.

⁹⁷ Чха Сончхоль. Изучение археологических памятников в районе Кёнджу в колониальный японский период // Силласахакпо. – 2008. – № 13. – С. 118.

государства Силла в истории Кореи японцы пытались стереть различие между Японией и Кореей, создать единство подданных японского императора.

Первоначальный запланированный проект проведения исследований был преобразован в идею создания научно-исследовательского института, в связи с трудностью организации самих раскопок и приобретения средств, по причине начала войны с Китаем в 1937 г. и Тихоокеанской войны 1941 г. В результате создания научно-исследовательского института Кёнджу были проведены раскопки на окраинах города. Это археологические достижения были результатом деятельности японских исследователей, и никак не были взаимосвязаны с деятельностью корейцев-любителей.

В результате проведения различных академических исследований г. Кёнджу стал «столицей династии Силла». Потребовалось улучшение условий сохранения недвижимого культурного наследия. Общество сохранения Кёнджу постепенно стало центром, работающим на развитие местного туризма. Предполагается, что эти виды деятельности Общества охраны Кёнджу предназначены для коммерциализации объектов культурного наследия и для создания развёрнутой транспортной и туристической инфраструктуры.

Результаты ежегодных научных исследований, проведенных в ранний период японского колониального правления, а также различные сообщения в средствах массовой информации активно публиковались, что в дальнейшем создало в СМИ новое «имя» Кёнджу известное, как «Сокровище Силла». Кёнджу стал важным городом для японских колониальных властей, которые сделали из него лучший туристический центр в Корее.

Третий этап развития археологии Кореи в период японской аннексии был обусловлен новыми политическими предвоенными условиями и началом военных действий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 1930-е гг. XX в.

связаны с капитализацией археологической науки, вливание финансовых средств джайбацу в развитие археологии Кореи подтверждают данный факт.

Заключение

Изучение становления и развития археологии Кореи как науки в колониальный период на современном этапе развития российской археологической науки имеет актуальный характер в силу территориальной близости Корейского полуострова. Слабая изученность этого периода археологии Кореи говорит о том, что существует ещё много нерешённых вопросов в российском корееведении.

В результате проведённых исследований были достигнуты поставленные задачи, а именно:

а) систематизированы работы корейских исследователей по периодам становления и развития академической археологии Кореи и проблематике;

б) проанализирована деятельность японского правительства в сфере сохранения археологических объектов культурного наследия;

в) выделены принципы и идеи, выдвинутые японскими археологами при проведении исследований археологических памятников древней истории Кореи.

Обобщая проделанную работу, можно сформулировать следующие основные выводы:

Во-первых, японские власти использовали условия колонизации, древнюю культуру и историю Кореи в качестве инструмента для создания нового, подчинённого мышления у корейских подданных японского императора и приданию легализованного, обоснованного характера управления колонией.

Во-вторых, политика в области охраны культурного наследия, направленная на сохранение и изучение археологических памятников и артефактов, создавала «обёртку» культурного, гуманного управления Кореей.

В-третьих, основными причинами в изменении государственного управления и законодательства по сохранению культурного

археологического наследия являлся вопрос финансирования, непосредственно связанный с политической ситуацией в Японии и Корее.

В-четвёртых, полный контроль над органами, которые занимались планированием и проведением исследований, говорит, во-первых, о большой заинтересованности в археологических экспедициях японских властей, а во-вторых, о невозможности иной интерпретации артефактов отличной от той, которая выгодна правительству генерал-губернатора.

И наконец, в-пятых, существовавший интерес был обусловлен различными целями в изучении археологии Кореи (бывших столиц Пэкче, Силла и Когурё). Эти различия существовали по той причине, что тот или иной регион Кореи по-разному взаимодействовал с Китаем и Японией. Японское правительство пыталось определить историю Трёх королевств как китайскую историю, а не историю государства Чосон.

Несмотря на вклад японских археологов и историков в развитие корееведения, их общая интерпретационная направленность была объясняема целями и задачами, поставленными японским колониальным правительством. Археологические исследования, изучение документов и артефактов неизменно избирательно использовались для восстановления однолинейного развития корейской цивилизации по эволюционным историческим линиям, в зависимости от последовательности иностранных завоеваний Кореи, в которых подчеркивались четыре основные темы:

1) теория о том, что есть общее наследственное происхождение корейской и японской нации;

2) утверждение о том, что японские императоры правили Кореей в древние времена (IV-VII в. н. э.);

3) мысль о том, что развитие корейской истории в значительной степени зависит от влияния китайской цивилизации и, следовательно, не имеет уникального корейского происхождения;

4) отсталость и стагнация корейской цивилизации.

На протяжении всего XX в. века корейцы высказывали мысль о том, что они стыдятся того факта, что японцы открыли и истолковали корейскую материальную культуру. С началом XXI в. появилась идея того, что археологические памятники, которые были изучены японцами в период аннексии, были их собственным культурным наследием. Пришло необходимое понимание ценности археологического материала найденного японскими археологами.

Так же стоит отметить важную тенденцию в изучении археологии Кореи, которая заключалась в том, что идеологическая эффективность, распространения правильного понимания древней истории в СМИ и его укоренения в сознании, имела большое значение в ранний период аннексии, но прогресс колониальной политики был медленным из-за слабости идеологического аспекта и снижения практической полезности в археологии в 1930-х гг.

Аналогичным образом, археологические исследования активно использовались для доказательства колониального взгляда на историю. По этой причине, Музей правительства Чосон находился в центре пристального внимания колониальных властей, как место, где формируется общественное мнение.

Большинство исследователей, занимающихся археологией Кореи в колониальный период, были выпускниками Токийского имперского университета или Императорского университета Киото. Музей правительства Чосон также выдвинул ряд исследовательских проектов раскопок по всей Корее, для удовлетворения своих академических интересов и амбиций.

Именно благодаря японским ученым Музей правительства Чосон опубликовал 15 томов «Каталога исторических памятников Кореи» между 1915 г. и 1930 г., 18 томов «Отчета об исследованиях» между 1916 г. и 1934

г., 7 томов «Специального отчета службы древностей» с 1919 г. по 1929 г., 2 тома Каталога исторических памятников и сокровищ Кореи и 17 томов «Иллюстраций музейных экспонатов» между 1926 г. и 1943 г. Скрупулёзный труд, проделанный японцами, имеет большое значение для изучения древней истории Кореи. Наличие возможности для археологов нашего времени и последующих поколений ознакомиться с опубликованными отчётами, является ценнейшим вкладом в изучение истории не только Кореи, но и северо-востока Азиатско-тихоокеанского региона.

В результате проведённого исследования можно говорить о перспективности изучения данной темы. В дальнейшем необходимо продолжить рассмотрение этого вопроса с различных сторон и в первую очередь с позиции японских исследователей Корейского полуострова тех времен и современных японских археологов.

Список источников

На английском языке:

1. Pai HyungIl. Gateway to Korea: colonialism, nationalism, and reconstructing ruins as tourist landmarks // Journal of Indo-Pacific Archaeology. – 2015.– №35. – P.15-25.
2. Pai HyungIl. The Creation of National Treasures and Monuments: The 1916 Japanese Laws on the Preservation of Korean Remains and Relics and Their Colonial Legacies //Korean Studies. – 2001. – №25. –P. 72-95.
3. Pai HyungIl. The politics of Korea’s past: The legacy of Japanese colonial archaeology in Korean peninsula //East Asia History. – 1994. – №7. –P. 25-48.
4. Pai HyungIl. Tracing Japan’s Antiquity: Photography, Archaeology and Representations of Kyongju, in Symposium Volume Oriental Aesthetics and Thinking: Conflicting Visions of “Asia” under the Colonial Empires. – Kyoto, Japan. – 2011. – P. 289-316.
5. Pai HyungIl. Travel Guides to the Empire: The Production of Tourist Images in Colonial Korea, in Conference volume on Consuming Korean Tradition in Early and Late Modernity. – Honolulu: University of Hawaii Press. – 2010. – P. 67-87.
6. Sang HoonJang. A representation of nationhood: The National Museum of Korea / 7. Sang HoonJang. – Seoul: The National Museum of Korea, 2015 – 271 с.

На корейском языке:

7. Ким Дэхван. Изучение истории Чосона во время японского колониального периода. – 2017. – №97. – С. 79-100.
8. Ким Ёнгсон. Исследование японцами курганов государства Силла // Ёксаватамрон . – 2010. – №33. – С. 31-58.
9. Ким Шинчэ. Социальные изменения и культурные памятники Кёнджу в 1910-х годах // Силламунхва. – 2009. – № 33. – С. 89-109.

10. Ким Шинчэ. Социальные изменения и культурные памятники Кёнджу в 1930-х годах // Силламунхва. – 2013. – № 41. – С. 383-405.
11. Кук Сонгха. Исследование колониальной археологии // Мире кёюкёнгу. – 2005. – Т.18, № 2. – С. 1-29.
12. Кук Сонгха. Создание музея в Пхэньяне// Комунхва. – 2004. –№ 63. – С.109-127.
13. Кук Сонгха. Создание и функционирование Корейского исторического общества // Хангукмунхва. – 2012. – № 55. – С. 223-245.
14. Ли Бёнхо. Исследование археологических памятников Пуё в колониальный период // Хангуккодэсаёнгу. – 2011. – № 61. – С. 113-155.
15. Ли Гисон. Исследование «древних столиц» в японский колониальный период // Ёксаватамрон. – 2016. – №79. – С. 1-39.
16. Ли Гисон. Исследование институтов и политики в отношении культурного наследия Корейского полуострова в колониальный период до 1920-х гг. / Уннамгогохак. – 2009. – №51. – С. 35-60.
17. Ли Гисон. Исследование и признание «каменного века» в японский колониальный период // Ёксаватамрон. – 2010. – №33. – С. 5-30.
18. Ли Гисон. Обзор «Каменного века» в районе Чуннам в японский колониальный период// Пэкчемунхва. – 2012. – №51. – С. 186-204.
19. Лим Нарэ. Учреждение и значение музеев Кэсона и Пхеньяна во время японского колониального периода / Лим Нарэ. – Сеул: KoreaUniversity, 2015. – С. 59.
20. Ли Сунча. Изучение исторических и археологических исследований японского колониального периода / Ли Сунча. – Сеул: Kyung-in Publishing Co, 2009. – 532 с.
21. Ли Чжинсо. Исследование археологический памятников в японский колониальный период //Хансанёкса. – 2008. – № 61. – С. 5-34.

22. О Сэтак. Политика японского императора (политика в области культурных ценностей) // Ильчжэчончэкпхёнга. – 1996. – С. 1-21.
23. Чон Инсон. Археология Лолана в японский колониальный период // Хангуккукрипмунсопоквансо. – 2011. – С.149-167.
24. Чон Инсон. Обзор исследований памятников Лолана //Хонам гогохакчоса. – 2006. – № 24. – С. 139-154.
25. Чон Инсон. Работа Морока Хидео в японский колониальный период и архивы Кёнджу // Ёкса. – 2007. – № 95. – С. 1-39.
26. Чха Сончхоль. Изучение археологических памятников в районе Кёнджу в колониальный японский период // Силласахакпо. – 2008. – № 13. – С. 97-127.
27. Чха Сончхоль. Обзор исследований курганов Силла в японский колониальный период // Мунхвачжэ. – 2006. – № 39. – С. 95-129.
28. Чха Сынги. «Древняя столица» империи // Санхохакпо. – 2010. – № 29. – С. 81-113.
29. Чон Сонгон. Археология (Archaeology) в «археологии японской империи» // Ильпономунхак. – 2011. – № 51. – С. 363-384.
30. Чон Сонгон. Взгляд ХамадыКосаку на «колониальную археологию» // Ильпонмунхваёнгу. – 2011. – № 40. – С. 603-623.
31. Чхве Сокён. Интерпретация памятников Пуё в колониальный период и формирование туристической зоны // Пикёмунхваёнгу. – 2003. – № 9(1). – С. 109-137.
32. Чхве Сокён. Изучение «древних городов» в японский колониальный период // Пикёминсокхак. – 1997. – №14. – С. 337-376.
33. Чхве Сокён. Сильные стороны колониального периода и формирование туристической зоны в Пуё //Индочжуицинмун. – 2002. – № 35. – С. 133-148.

34. Чхве Хэчонг. Деятельность японской императорской семьи в районе Пхеньяна и Общество охраны культурных объектов Пхеньяна // Ёксавасэгэ. – 2007. – №32. – С. 159-211.
35. Чхве Хэчон. Исследование района Пхеньяна Японией и сохранение древних реликвий // Ёксавасэгэ. – 2016. – №32. – С. 159-211.
36. Чжи Конгиль. Хроника археологических исследований 1880-1980 гг. / Чжи Конгиль. – Сеул, 2016. – 558 с.
37. Юн Ёнхёк. Изучение реликвий Пэкче // Хангуксахакпо. – 2006. – № 25. – С. 121-150.
38. Ю Юнхён. Фудзита Рё. Изучение археологии колониального периода // Кодэ мунхва инцикхва кыпёнхва. – 2017. – №56. – С. 185-219.
39. Янг Шиын. Изучение государств Бохай и Когурё во время японской оккупации // Когурёпархээнгу. – 2010. – №38. – С. 155-192.
40. Янг Шиын. Изучение исследований археологических памятников Когурё и Бохай в колониальный период // Ильчжесыги Манчжуса: Чосонсаинщик. – 2009. – С. 30-57.

Список литературы

1. Алкин С.В., Комиссаров С.А. Археологические культуры корейского полуострова (каменный век – ранний железный век): краткий обзор современного состояния изученности. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2010. – Том 9, выпуск 5: Археология этнография. – С. 18-24.
2. Алкин С.В. Семантика золотых силласких корон (подвески кожок как воплощение идеи рождения) // Major Issues in History of Korean Culture. – М., 1997 – С. 32-36.
3. Воробьёв, М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк) / М.В. Воробьёв. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – 194 с.
4. Гафуров Б.Г. и др. (ред. колл.). История Кореи (с древнейших времен до наших дней). В 2-х томах. Т. 1. – М.: Наука, 1974. – 470 с.
5. Деревянко, А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи / А.П. Деревянко. – Новосибирск, 1983. – 216 с.
6. Жуков А.Е. (Отв. ред.) История Японии. Том 2. 1868-1998. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998 — 703 с.
7. Загоруйко А.В. Охрана археологического наследия в Республике Корея // Культурологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 1-8.
8. Игнатенко А.С. Формирование законодательства по охране археологического культурного наследия Кореи в 1910–1945 гг. // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.) / отв. ред. М. Л. Бережнова, И. В. Толпеко. – Омск: Издатель-полиграфист, 2018. – 276 с.

9. Ларичев В.Е. Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. – Новосибирск, 1978 – С. 9-87.
10. Ларичев В.Е. Палеолит Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Эпоха палеолита. – Новосибирск, 1976 – С. 25-83.
11. Ли Гибэк. История Кореи: новая трактовка / Ли Гибэк. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2000. – 464 с.
12. Пак, М.Н. Очерки по историографии Кореи / М.Н. Пак. – М.: Наука, 1987 – 150 с.
13. Пак, М.Н. Очерки ранней истории Кореи / М.Н. Пак. – М., 1979 – 240 с.
14. Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии / Рю Хакку. – М.: Наука, 1975. - 200 с.
15. Тихонов В.М., Кан Мангиль История Кореи : в 2 т. Т.1: С древнейших времён до 1904г. – М.: Наталис, 2011. – 533 с.
16. John H. Hamer. Identity, process and reinterpretation- the past made present and the present made past /Anthropo. – 1994. –№ 10 – 324 с.

Приложения

Приложение 1

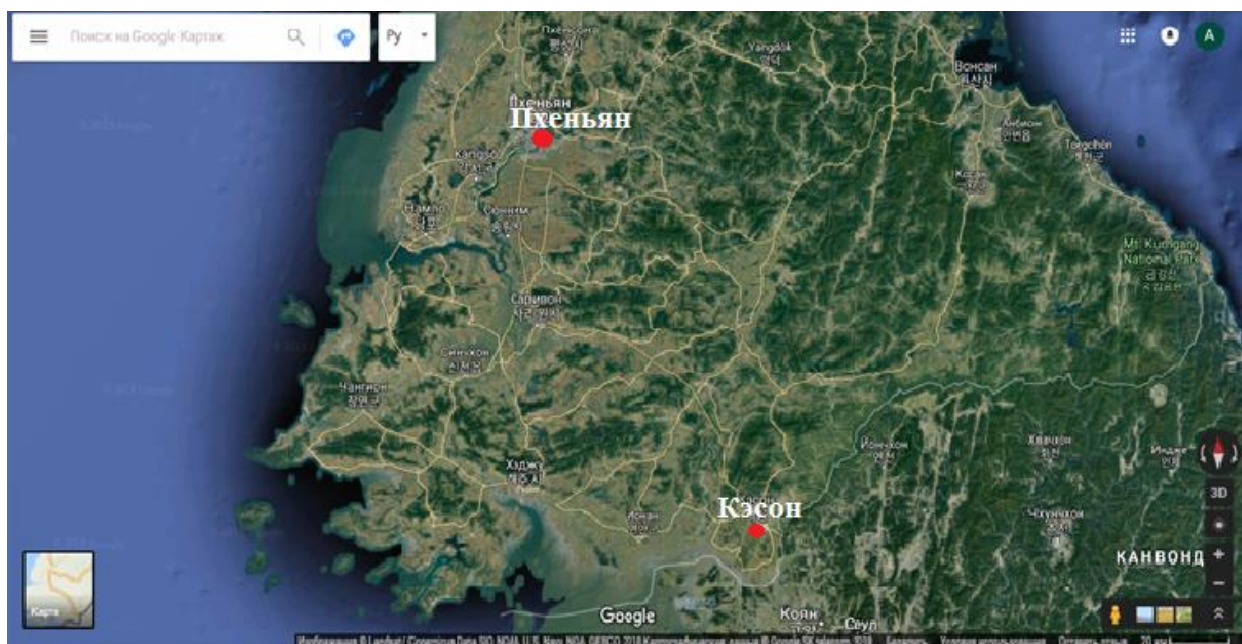

Рисунок 1 – Карта (расположение Пхеньяна и Кэсона (источник:Wikimарia; дата обращения: 17.06.2018)).

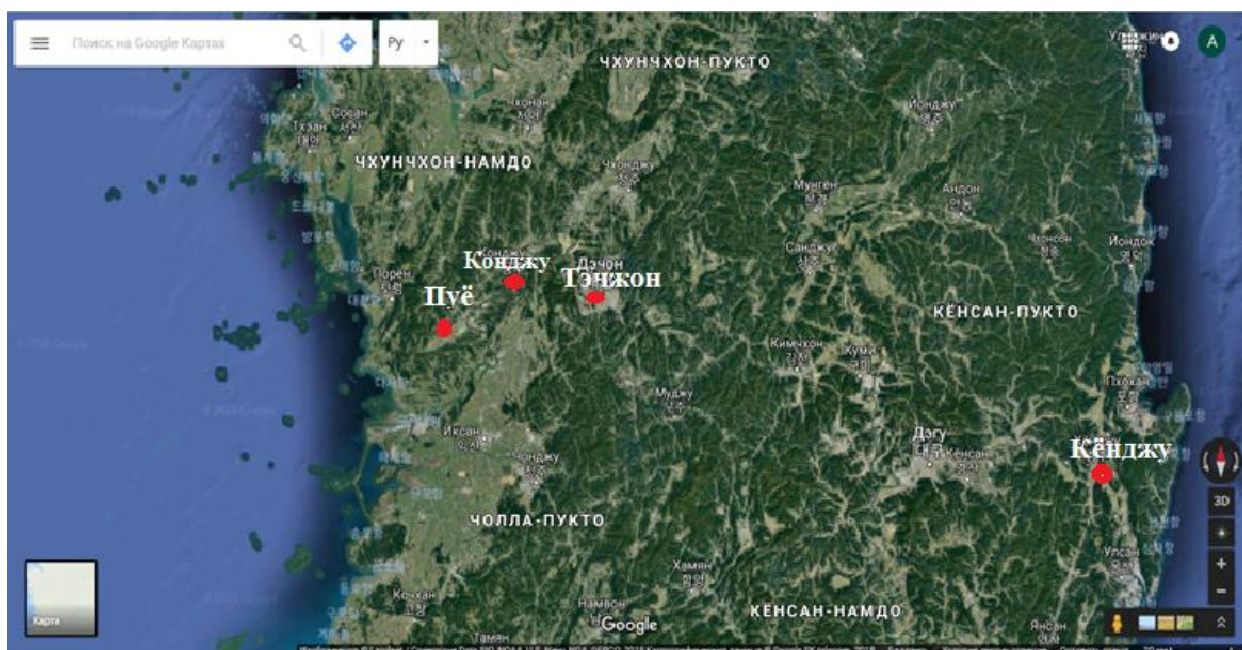

Рисунок 2 – Карта (расположение Кёнджу, Пуё, Конджу, Тэчжон (источник:Wikimарia; дата обращения: 17.06.2018)).

Приложение 2

Количество посетителей музеев Кореи⁹⁸

Таблица 1

Год	Музей семьи дома Ли	Музей правительства Чосон			
		Всего	Корейцы	Японцы	Иностранцы
1916		21550			
1917		23952			
1918		36100			
1919		37635			
1920		36306			
1921		57337			
1922		64420			
1923		39004			
1924		60509	19750	38784	1775
1925		49061	27483	21182	966
1926		60125	32471	25648	2006
1927		44716	15280	28129	1307
1928		50338	18859	30308	1221
1929		46639	16349	28935	1355
1930		36640	9304	25787	1513
1931		36142	13980	27163	1399
1932		49742	11131	37966	645
1933		41371	14577	26099	695
1934		49469	19342	28523	1600
1935	34508	57165	28004	26526	1635
1936	31131	63111	28829	32792	1890
1937	29406	98687	61986	34772	1929
1938	83363	85865	50875	34140	850
1939	109483	104322	62954	39014	2354
1940		145392	104148	39607	1637
1941		145892	?	?	?

⁹⁸Sang HoonJang. A representation of nationhood: The National Museum of Korea / Sang HoonJang.– Seoul: The National Museum of Korea, 2015. – С. 62.

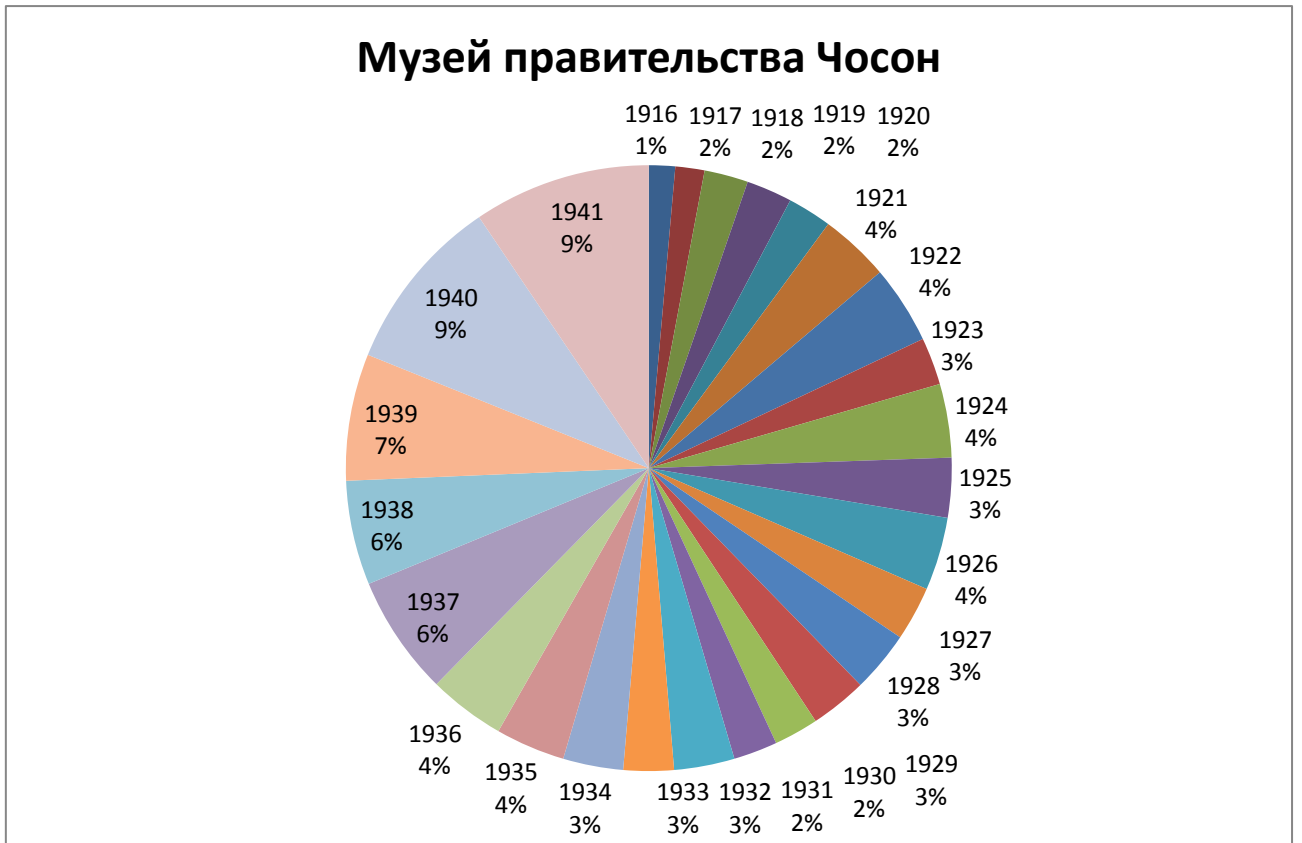

Рисунок 1 – Диаграмма (процентное соотношение посетителей Музея правительства Чосон).

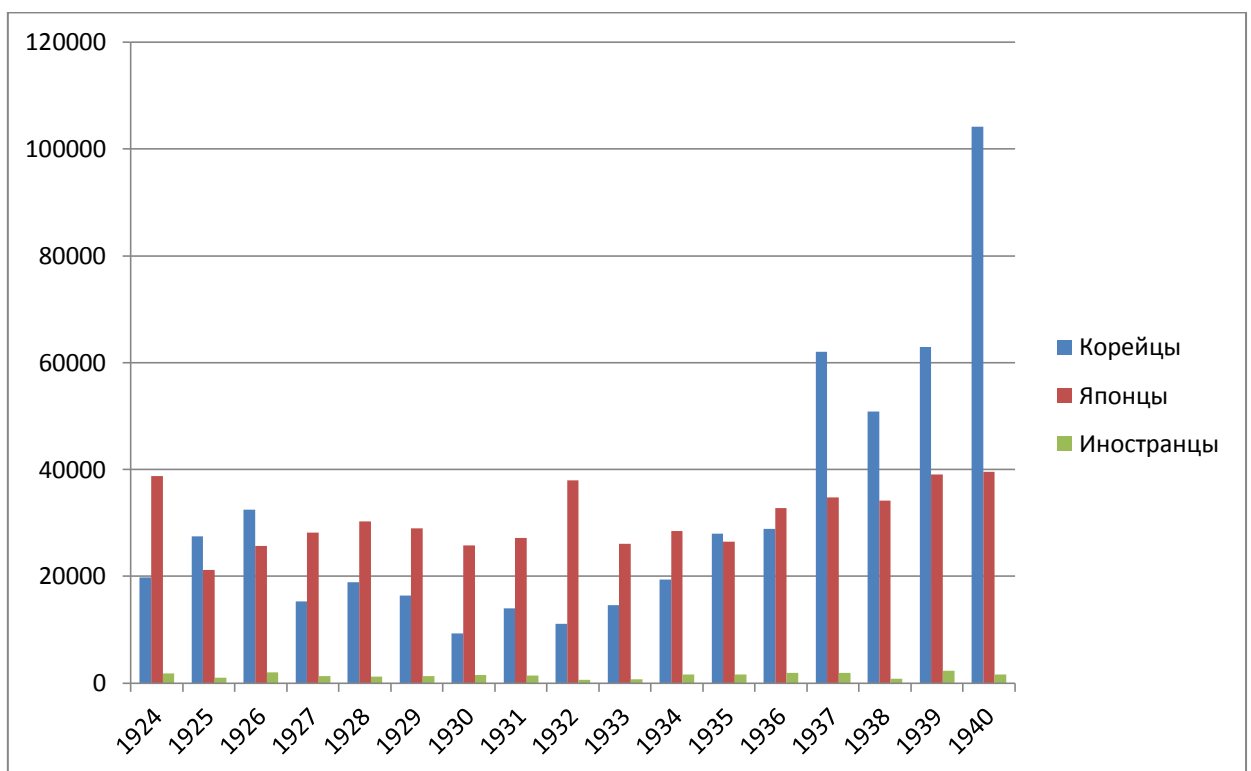

Рисунок 2 – Диаграмма (динамика посещения Музея правительства Чосон)

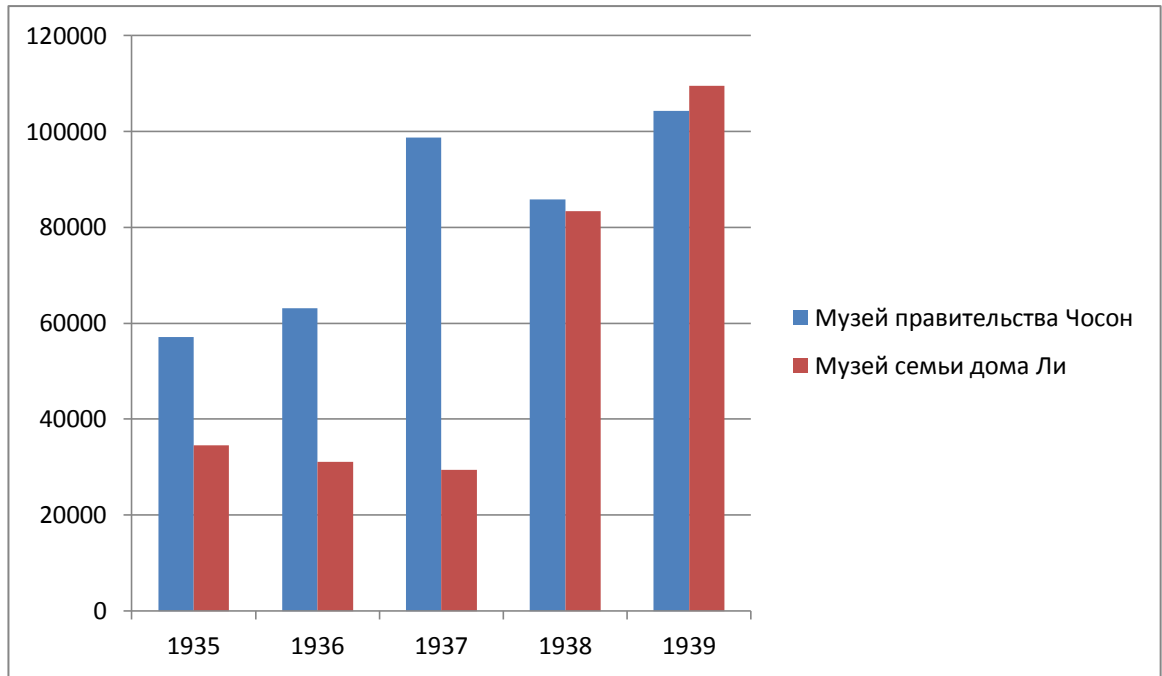

Рисунок 3 – Диаграмма (сравнение посещения Музей правительства Чосон и Музей семьи дома Ли)

Приложение 3

Первый план исследования Комитета по исследованию корейских древностей⁹⁹

Таблица 1

Район	Период	Исследователь	Публикации
Чхунчхон-Намдо, Пуё	30.11.1909	Кано Ёшинори, Курияма Шун	«Исторические записи» (3, 4 книги)
Чхунчхон-Намдо, Кончжу	4.12.1909	Кано Ёшинори, Курияма Шун	«Исторические записи» (3 книга)
Чолла-Пукто, Иксан	3–4. 12. 1909	Кано Ёшинори, Курияма Шун	«Исторические записи» (3, 4 книги)
Кёнгидо, Кванджу	18.09.1911	Кано Ёшинори, Курияма Шун	«Исторические записи» (3, книга)
Кёнгидо, Кванджу	28- 22.09.1912	Курияма Шун	«Исторические записи» (3, книга)
Чхунчхон-Намдо, Пуё	7.1915	Садано Кано, Катцуми Куробо	«Исторические записи» (3, книга)
		Садано Кано, Курияма Сюнъити	«Исторические записи» (3, книга)
Чхунчхон-Намдо, Кончжу	7.1915	Садано Кано, Курияма Сюнъити	«Исторические записи» (3, книга)

⁹⁹ Ли Бёнхо. Исследование археологических памятников Пуё в колониальный период // Хангуккодэсаёнгу. –2011. – № 61. – С. 117

Второй план исследования Комитета по исследованию корейских древностей¹⁰⁰

Таблица 2

Год исследования	Что исследовали	Область исследования
1916 г.	Археологические памятники, захоронения, исторические памятники, старые здания, документы	Четыре ханьских округа и район Когурё – жёлтое море, северный район Пхёнана, о. Кёнги, провинция Чхунчхон-пукто.
1917 г.		Три королевства, Кая, Пэкче – о. Кёнги, провинции Чунчхоннам-пукто, Кёнсаннам-пукто, Чолланам-пукто
1918 г.		Силла – провинции Кёнсаннам-пукто, Чолланам-пукто
1919 г.		Вэймо, Бохай, Окчо – о. Канвондо, Хамгён-пукто, Хённанам-пукто
1920 г.		Корё – о. Кёнгидо

Таблица 1 – Второй план исследования Комитета по исследованию корейских древностей¹⁰¹

¹⁰⁰Чхве Хэчонг. Деятельность японской императорской семьи в районе Пхеньяна и Общество охраны культурных объектов Пхеньяна // Ёксавасэгэ. –2007. –№32. – С. 169

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет»
(ДВФУ)

ШКОЛА ИСКУССТВ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Департамент истории и археологии

ОТЗЫВ РУКОВОДИТЕЛЯ ВКР

на выпускную квалификационную работу студента (-ки)

Игнатенко Анастасии Сергеевны

(фамилия, имя, отчество)

Направление подготовки 46.04.01 История Магистерская программа «Археология»

Группа М42026

Руководитель ВКР PhD, В.А. Дерюгин

(ученая степень, ученое звание, и.о.фамилия)

На тему Становление и развитие корейской археологии в период японской аннексии

Дата защиты ВКР «4» июля 2018 г.

Выпускная квалификационная работа Игнатенко А.С. посвящена вопросам становления и развития корейской археологии в период японской аннексии. Данный период археологической науки в Корее имеет довольно противоречивую оценку со стороны представителей ученых-археологов Республики Корея и Японии, что связано с политической составляющей. Заявленная тема исследования является актуальной, так как данная проблематика еще не нашла своего должного освещения в российской историографии. При этом сам исследователь не является лицом, связанным с национальными интересами названных государств и проводит достаточно независимое исследование.

При подготовке ВКР Игнатенко А.С. был обработан значительный объем источников и литературы по теме исследования на русском, корейском, английском языках, при этом часть необходимых для написания материалов было получено ею непосредственно при работе в библиотеке Корейского национального университета культурного наследия г. Пуё. Магистрант проявил самостоятельность в выборе, как теоретических источников, так и практического материала.

Выпускная квалификационная работа изложена последовательно, достаточно грамотно, убедительно. Структура и содержание работы полностью раскрывают тему исследования. Существенными недостатками работы являются недостаточное владение магистрантом русским академическим языком, в отдельных случаях неумение четко и однозначно формулировать свои мысли, делать определенные выводы, что негативно сказывается на общем восприятии ВКР.

Текстовая часть ВКР оформлена в основном в соответствии с требованиями ГОСТ, образовательными и научными стандартам. Имеются незначительные технические опечатки. В работе хорошо представлен табличный и иллюстративный материал.

Представленная на защиту выпускная квалификационная работа Игнатенко А.С. в основном соответствует предъявляемым требованиям Государственного образовательного

стандарта, может быть допущена к защите с последующим присвоением степени магистра, а ее автор заслуживает оценки «хорошо».

Оригинальность текста ВКР составляет 92%

Руководитель ВКР

PhD
(уч. степень, уч. звание)

(подпись)

В.А. Дерюгин
(и.о. фамилия)

«28» июня 2018 г.